

**ВЛАДИМИР
ЛЕЩЕНКО**

ЗВЕЗДНАЯ ПЫЛЬ

Владимир Лещенко

Звездная пыль

«Автор»

2005

Лещенко В.

Звездная пыль / В. Лещенко — «Автор», 2005

Вся эта история, потрясшая Галактику, столкнувшая в битвах огромные флоты и межзвездные империи, началась с нездорового интереса капитана заштатного космического сухогруза «Туш-Кан» к маленькой симпатичной зверушке, принадлежавшей корабельному мусорщику. Потом уже в ней приняли участие и Звездный Халифат, и зловещая Темная Лига, и многие другие. Но если бы не хомячок – не встретились бы эти двое: она, у которой было всё и которая отвергла блестящее будущее во имя чести и гордости, и он – космический рыцарь, одинокий борец со злом. И не началась бы эта история с амазонками и пиратами, войной и любовью... Одним словом, если вам нравятся произведения Алекса Орлова, Романа Злотникова, Лоис Буджолд – эта книга для вас.

© Лещенко В., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Часть первая. КОСМИЧЕСКИЙ МУСОР	6
1. Хомяк и капитан	6
2. Правосудие и справедливость	10
3. Амазонки и другие	18
4. Пираты и магнаты	36
5. Интриги и бои	52
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Владимир Лещенко

Звездная пыль

Посвящаю моим друзьям по «Роскону», «Звездному мосту», «Бастioniу» и «Звездной дороге».

В.Л.

Война – слишком серьезное дело, чтобы доверять ее генералам.

Шарль Морис Талейран

Мусор – слишком серьезное дело, чтобы доверять его мусорищикам.

Безвестный коммунальный чиновник

Часть первая. КОСМИЧЕСКИЙ МУСОР

1. Хомяк и капитан

Эта история, перевернувшая судьбы звездных империй, многих и многих миллиардов людей, да и, наверное, всей Ойкумены, началась с одной маленькой симпатичной зверушки. Точнее, с эдернийского полосатого хомячка. Звали его Князь Мышкин: в память о герое древней легенды, не то останавливавшем на скаку коней, не то рубившем топором головы злым старухам-ростовщицам, а добытые у них деньги сжигавшем в камине – в знак презрения к разлагающемуся древнему обществу.

Принадлежал хомячок скромному обер-мусорщику транспортного корвета «Туш-Кан» корпорации «Спейс-Фрок», простому парню с планеты Ивангоэ Среднегалактического союза, Питеру О'Харе. Надо сказать, мусорщик на космическом корабле – должность хотя и неприметная, но весьма важная. Дело в том, что, как известно, на каждый килограмм груза, будь то пассажир, товар или мусор, тратится энное количество горючего, а мусор в отличие от двух вышеперечисленных категорий выгоды никакой не приносит.

А значит, есть прямой резон свести количество оного мусора к минимуму.

Кроме того, санитарный надзор астропортов и орбитальных причалов имеет обыкновение беспощадно штрафовать почем зря за всякий, даже мелкий непорядок, а особо грязные суда ставить в карантин.

На «Туш-Кане» были два представителя этой почтенной, хотя и недооцениваемой общественным мнением профессии: просто мусорщик Гней Помпей – унылый мужчина лет за сорок, с лицом задумчивого алкоголика, нанятый в порту на Яворе (одна из самых глухих дыр Вселенной), и обер-мусорщик Питер О'Хара.

День-деньской, с утра до вечера, обходил он корабль, заглядывая во все закоулки, начиная свой путь от переборки реакторного отсека и заканчивая его у дверей ходовой рубки на самом носу «Туш-Кана».

Последовательно проходил он твиндек, кварталдек, гондек, ахтердек, крадек, толкая перед собой большой пылесос «Вихрь-2000» и изредка помогая технике совком и веником, заглядывал в корабельные закоулки, стараясь не пропустить ни пылинки.

Окончив работу, он вызывал суперкарго, и тот, тщательно зафиксировав количество пыли, отмеченное на счетчике агрегата, вносил данные в корабельный компьютер – и счет Питера увеличивался еще на несколько кредитов.

Питер был вполне доволен своим существованием. И хотя острословы именовали его должность иронически-высокопарно – «смотритель звездной пыли», его это совсем не задевало.

Он имел возможность посмотреть разные миры и побывать на многих планетах. Получаемого жалованья хватало на жизнь, даже кое-что удавалось отложить на черный галактический день. Еще и оставалось на нехитрые развлечения в портах, где садился «Туш-Кан», – на пиво да на вечер в скромном ресторане в обществе какой-нибудь миловидной официантки или продавщицы. Благо весьма симпатичная внешность Питера легко позволяла ему заводить такие приятные и ни к чему не обязывающие знакомства.

И всё было бы хорошо, если бы не одна проблема.

Дело в том, что капитаном «Туш-Кана» был Эммануил Барбекю – в меру упитанный солидный мужчина в полном расцвете лет (более существенные приметы не имеют значения для нашего повествования). И Эммануил Барбекю имел зуб на Князя Мышкина.

При этом выражение «имел зуб» следовало понимать в самом буквальном смысле слова.

Тут следует упомянуть, что Барбекю был давним членом Интеркосмической ассоциации кулинаров-экспериментаторов и всё свободное время посвящал изобретению и приготовлению разнообразных блюд, прежде неизвестных.

И вот в данный момент он разрабатывал тему приготовления кушаний из экзотических мелких грызунов.

Надо сказать, он был личностью в своих кругах весьма известной и уважаемой.

А его статья в журнале ассоциации, посвященная некоторым малоизученным аспектам каннибализма, даже привлекла внимание не только единомышленников, но и прокуратуры. Кто-то из чиновников вспомнил, что несколько матросов с кораблей, где он служил, в разное время пропали при невыясненных обстоятельствах.

Но в данный момент его интересовала дичь, так сказать, меньшего размера, а именно – хомячок обер-мусорщика. Свою цель, надо отдать ему должное, капитан Барбекю преследовал хотя и не слишком активно, но настойчиво и упорно.

Уже не раз матросы то находили в укромных местах мышеловки с аппетитным куском кайсильской каучуки, то ненароком вляпывались в клеевые ловушки с грмасским сыром в виде приманки, а несколько раз сам Питер О'Хара натыкался в закоулках корабля, где обычно играл его маленький друг, на капитана, вооруженного большим сачком.

Надо сказать, вся команда была на стороне Питера – милое ласковое создание успело стать всеобщим любимцем. Кроме этого, капитан не пользовался большим уважением подчиненных, поскольку частенько изводил пустыми придириками матросов и офицеров. Кроме того, хотя он почти ежедневно готовил какие-то новые блюда, но не угощал ими никого и не делился ни с кем, всё предпочитая съесть сам.

В это утро Питер, как обычно, начал свой ежедневный маршрут.

Толкая перед собой большой универсальный пылесос, при необходимости помогая себе пластиковым веничком, двинулся он по своему, ставшему почти родным домом кораблю.

Его переходы, коридоры, разгрузочные аппарели, атриумы транспортных колодцев, понижающих палубы, анфилады полутемных помещений, будили в Питере некое романтическое чувство.

Трюмы старины «Туш-Кана» хранили множество запахов, оставленных грузами, перевезенными им за почти полвека. Чуткие ноздри Питера улавливали и аромат дорогих пряностей с Мутабора, и ни с чем не сравнимый дух херитрейского кофе, и острый мускусный запах мехов нью-альдебаранской шишиллы...

Вот тут, в седьмом трюме, на предшественника Питера набросилась кумарская дикая глокая куздра, каким-то чудом проникшая на корабль... А двумя палубами ниже, в двенадцатом контейнерном терминале, в тот год, когда Питер впервые ступил на «Туш-Кан», был пойман неуловимый космический вор Ансельм Бацилло, намеревавшийся украсть груз коллекционного джина...

Вот и офицерский коридор – тут, по традиции, почему-то всегда больше пыли и мусора.

У дверей капитанских апартаментов его внимание внезапно привлек один, неприятно знакомый ему предмет – это был сачок, с которым Эммануил Барбекю ходил на охоту за хомячком. В одном месте марля была слегка порвана, возможно, чьими-то острыми коготками. И тут же нос Питера ощутил запах свежего жаркого.

Охваченный тревожным предчувствием, Питер распахнул дверь. И замер на пороге, словно от удара.

На столе в центре капитанского салона, на блюде дорогого такийского фарфора лежал, в окружении петрушки и спаржи, свежезажаренный Князь Мышкин. Над ним лучилась скотским наслаждением масляная физиономия Эммануила Барбекю.

– Угу, – пробормотал капитан, – и лицо его стало несколько менее довольным. – Вынюхал-таки!

– Вы... вы убили его? – запинаясь и всё еще не веря в реальность случившегося, спросил О'Хара.

– Твой хомяк едва не прокусил мне палец, – недовольно поморщился капитан. – Еле-еле удержал – чуть прямо с разделочной доски не спрыгнул.

– Он... он же... он же был живой... – чувствуя, как перехватывает горло, произнес полупшепотом Питер.

– Ну конечно, живой! – с искренним изумлением кивнул Барбекю. – Неужели ты думал, что я стану питаться дохлятиной?

И с этими словами он разорвал истекающую соусом тушку пополам – в этот миг Питер ощутил боль, буквально пронзившую его сердце.

– И вообще, что ты так волнуешься? – фыркнул Барбекю, обглаживая маленькую ножку. – Большое дело – какая-то крыса! Вот если бы, скажем, я обеспечил... тьфу, – обесчестил твою сестру или, не дай все святые, оскорбил твоих предков... Впрочем, что это я тут оправдываюсь? Ты кто – мусорщик? Вот и иди занимайся своим мусором. Кру-гом! – скомандовал Барбекю, отправляя в рот очередной кусок хомячатины.

...Питер шел по нижнему бортовому коридору родного звездолета, и его душили слезы. Перед глазами, сменяя друг друга, вставали воспоминания: Князь Мышкин, весело кувыркаящийся на травке в крошечном зимнем саду «Туш-Кана»; Князь Мышкин, устроившийся на плече Питера, ласково тыкаясь ему в шею холодным носиком; Князь Мышкин, под смех матросов уморительно умывающийся передними лапками...

Пошатываясь, Питер зашел в механическую мастерскую – ее хозяин, старший механик Холио Эглисиус, имел привычку не запирает дверь, когда уходил по каким-то делам.

И тут взгляд его упал на тяжелый глюонный регулятор, лежавший на верстаке, в обшарпанном футляре. Этот инструмент был предназначен для того, чтобы регулировать в режиме ручного управления тахionedный двигатель. Тяжелый, полупудовый механизм на пятнадцати камнях, с корпусом, изготовленным методом электростатической фрезеровки из сверхчистого хрома, с монокристаллическим узконаправленным излучателем стабилизационного поля, вставленным в заостренную головку. Пережиток глубокой древности, времен ненадежной кремниевой электроники и кораблей, управляемых штурманами-экстрасенсами. Всего лишь тяжелый кусок металла...

Словно сомнамбула, Питер протянул руку, извлек регулятор из футляра. Рубчатый пластик рукоятки как влитой сидел в ладони.

К счастью (если к данному случаю применимо это выражение), в коридоре ему не попался никто из товарищей, кто задал бы себе вопрос: а куда это идет обер-мусорщик, вооружившись тяжелой железкой, да еще с таким выражением лица?

Беспрепятственно Питер прошел чуть ли не полкорабля и вновь оказался у дверей капитанской каюты. Спрятав прибор за спину, он вошел.

Увиденное вновь наполнило его болью.

На тарелочке лежала горстка тонких косточек, уже дочиста обглоданных, увенчанная маленьким черепом. Капитан, сидевший к нему спиной, выбирал с блюда кусочком хлеба последние капли соуса.

Барбекю повернулся в его сторону.

– Что надо? – грубо спросил он, обратив к Питеру лицо, на котором блестели жирные губы.

Вместо ответа О'Хара сделал несколько быстрых шагов, отсекая капитана от двери в жилые помещения, где, как он знал, капитан хранит табельный лазер, и одновременно доставая из-за спины глюонный регулятор.

И вот теперь-то Эммануил Барбекю начал что-то понимать.

– Послушай, Питер, давай поговорим как цивилизованные люди! – затараторил капитан, жалко пытаясь заслониться от приближающегося О'Хары фарфоровым блюдом. – Я понимаю, возможно, я был не прав... Питер, я прошу прощения! Питер, я заплачу тебе... Сколько хочешь, заплачу! Питер, не надо! Пи-итееер!!!

На какую-то долю секунды Питер замер, но вновь перед его взором возник жалобно плачущий Князь Мышкин, вырывающийся из безжалостных пальцев прожорливого кули-нара-новатора, распинаящих его на разделочной доске... И еще почему-то лицо одного из бесследно пропавших матросов – симпатичного весельчака-толстяка Серхио Маччо.

Регулятор в руках О'Хары взлетел вверх и со всей силой опустился на голову капитана Барбекю. Потом еще раз. И еще. И еще...

2. Правосудие и справедливость

Питер вынырнул из черного глухого сна без сновидений оттого, что кто-то тряс его за плечо.

Он открыл глаза.

Над ним, на фоне низкого потолка карцера, склонилось обрюзгшее, красноносое лицо старшего капрала-надсмотрщика.

– Давай, что ли, Петрик, вставай, – прибыли... – словно извинясь, бросил он.

Всё поняв, Питер неспешно поднялся и всунул ноги в тюремные штиблеты.

Капрал щелкнул кнопкой пульта, и браслеты силовых наручников на руках О'Хары ожили, налившись тяжестью и соединившись вместе.

Питер вновь поглядел на маячившего у входа тюремщика и неторопливо шагнул через порог. Капрала этого, приносившего ему еду во время полета, Питер уже успел неплохо изучить. Он знал, что тот – эмигрант с отдаленной планеты Краковяк, случайно занесенный на Ивангэ прихотливой судьбой, и поступил в тюремную стражу только потому, что ни на что больше оказался не годен в этом высокотехнологическом мире. Питер успел выслушать его неоднократные и горькие жалобы на долю-злодейку, небольшую зарплату, злую жену, непослушную дочь, а также узнать, что тюремщика зовут Ладислав Дупа.

Пока они шли узким полутемным коридором, чьи стены отсвечивали неокрашенным металлом, Питер невольно вернулся памятью к тому дню, когда окончательно решилась его судьба.

Процесс «Среднегалактический союз против Питера О'Хары», тянувшийся уже пятый месяц и долженствующий завершиться сегодня, почти с самого начала привлекал к себе внимание прессы и общества.

Вначале транспортный прокурор возбудил уголовное дело по статье «Убийство в состоянии сильного душевного потрясения средней тяжести», за которое Питеру грозило максимум лет пять в одной из орбитальных тюрем.

Но компания, обозленная потерей одного из лучших капитанов, подключила своих юристов, те настроили кучу жалоб, и в результате дело было переквалифицировано в «Убийство злостное, с элементами хулиганства».

(Десять-пятнадцать лет на каторжных рудниках в астероидном поясе, после которых выжившие становились дряхлыми полуслепыми импотентами.)

Однако, раскрутившись, дело приобрело большой общественный резонанс – и в самом Среднегалактическом союзе, и за его пределами.

У здания суда возникли пикеты любителей живности, с плакатами, на которых были увеличенные фото хомяков различных видов и расцветок.

Профсоюз космоплателей устами своего шефа (как раз приближались выборы, и нужно было лишний раз показать, что профбоссы не зря проедают профвзносы) потребовал снисхождения для своего члена, грозя чуть ли не всеобщей забастовкой.

Самая популярная и самая отвязная молодежная газета планеты – «Ивангойский комсомолец» (название, к слову сказать, пришло из такой седой древности, что никто не знал его смысла) разразилась статьей на целую страницу. Название звучало так: «Предки совсем оборзели – жрут хомяков!»

Против покойного капитана Барбекю было возбуждено уголовное дело сразу по трем статьям: «Жестокое обращение с животными», «Умышленное уничтожение чужой собственности» и «Злоупотребление служебным положением без корыстных целей» (в ходе расследования выяснилось, что хомяк был зажарен на корабельном камбузе в нерабочее время). Дело, правда, было сразу закрыто – за смертью обвиняемого.

Дальше – больше. Целых две недели Судебная палата препиралась с прокуратурой по вопросу: считать ли Князя Мышкина диким животным или домашним?

Потом еще две недели выясняли: есть ли у Питера доказательства законного приобретения хомяка в собственность, и если нет, то не приобрел ли он его преступным путем?

Потом столько же времени власти выносили частное определение в адрес таможенных и санитарных служб, и правления компании «Спейсфрок», допустивших провоз без надлежащих документов и санитарного паспорта «существа живого, малоразмерного, одна штука». (Именно так в официальном акте осмотра места происшествия был характеризован трагически погибший хомяк.)

Дело переносили из городского суда – по порту приписки «Туш-Кана» – в космический, ибо убит был всё-таки капитан, затем из космического – в планетарный и наконец в Верховный Суд Среднегалактического союза.

Больше того, его дело должен был рассматривать наряду с присяжными Главный электронный судья. Это был чудом доживший до сего дня представитель когда-то большого семейства юристомпьютеров, искусство изготовления которых было утрачено вместе с гибелью мира Джер, сгоревшего во вспышке сверхновой, и его старались не беспокоить без нужды. Но тут казус был действительно необычным.

И решение, которое он примет, было совершенно непредсказуемым: его память была полна подробностями миллионов и миллионов уголовных дел, и что уж он из нее извлечет, кто предугадает?

Компания уже и сама была не рада, что раздула это дело, ибо «Туш-Кан», крупнейший ее грузовоз, был арестован судом в качестве вещественного доказательства – прокуратура раскопала, что именно так следует поступать по делам о злостном убийстве капитана.

Члены экипажа, как один, давали показания в пользу Питера, указывая на грубость капитана, на то, как дорог был хозяину его любимец, и при этом не забывали указать на патологическую жадность покойного Барбекю, не дававшего никому попробовать свои блюда.

У Питера сменились уже три адвоката. Первый, назначенный судом, какой-то красноносый старикашка-неудачник, посоветовал подзащитному заявить, что капитан приставал к нему с непристойными предложениями, а хомячка съел исключительно в качестве мести за отказ.

Это было даже не смешно, и молодой человек прогнал старого тупицу.

Второй, нанятый профсоюзом, лощеный молодой плейбой, предложил закосить под психа и упираться в тактике защиты на дурную наследственность О'Хары.

Он даже ухитрился раскопать в его родословной какого-то прапрадедушку – эмигранта с одной из планет Эльбрусско-Казбекского содружества, жители которого славятся своими приступами дикой ярости и редкостной мстительностью.

Наконец, «Вселенское общество защиты мелких и пернатых животных» наняло для защиты скромного обер-мусорщика знаменитого адвоката Энрико Прирезника – великого Энрико Прирезника!

Вот сейчас как раз началось его выступление.

Он поднялся на трибуну, поправил свой кис-кис с огромной бриллиантовой булавкой и начал:

– Господа присяжные заседатели! Господин прокурор! Господа присутствующие! Представьте себе, что на ваших глазах кто-то – пусть даже ваш непосредственный начальник – пожирает вашего лучшего друга, брата, родственника, жену... Или пусть даже и тещу!

Зал невольно охнул и притих.

Не давая опомниться, дон Прирезник продолжил, решительно завладевая вниманием присутствующих.

Он вспоминал различные случаи с убийствами крылатых, чешуйчатых, слизистых, хвостатых, со щупальцами и без, ручных и не очень созданий, закончившиеся плохо для убийц, зафиксированные в истории правосудия и Среднегалактического союза, и других стран.

Он привел в пример случай стопятилетней давности, приключившийся на шлюпке с потерпевшего аварию космолета «Полковник Попов». Дело это получило известность под названием «Дело о собаке суперкарга», и ведший его знаменитый ивангойский законник Фан Сай потом говорил, что такого удивительного и нелепого дела не знает история.

Среди уцелевших был и суперкарга, буквально в последний момент спасший с гибнущего корабля любимую собаку – ротвейлера Тузика.

Когда на дрейфовавшем между звезд в ожидании помощи суденышке начало подходить к концу продовольствие, уцелевшие члены команды единогласно решили ликвидировать собаку грузового помощника и употребить ее в пищу.

Но не тут-то было! Несчастный сначала размахивал тесаком, грозя убийством всем, кто попытается тронуть его любимца, а потом – когда народ схватился за бластеры – пал перед ними на колени и предложил... умертвить себя и использовать его плоть для прокормления любимого животного.

Как дальше происходило дело – в точности неизвестно, но, когда наконец на шлюпку наткнулись почти отчаявшиеся спасатели, в холодильнике обнаружилась только голова и задняя часть незадачливого суперкарга, а в кладовке – тщательно собранные обглоданные кости скелета. Бедолаги объяснили, что хотели, если им будет суждено спастись, похоронить останки суперкарга по-людски. Что до собаки, то она была вполне жива, хотя и здорово отошала. Само собой, с борта спасателя космоплаватели отправились напрямик в тюрьму. При этом их рассказу полицейские, разумеется, не поверили и предположили, недолго думая, что спасшиеся просто прикончили бедолагу, чтобы сожрать. Им всем было предъявлено обвинение по статье: «Человекоедение без отягчающих обстоятельств».

И махать бы им до конца жизни (не столь уж далекого) виброкайлом где-нибудь в шахте на каторжном астероиде. Но присяжные, заслушав слезные рассказы обвиняемых, просмотрев видеозапись злополучного совещания, умилившись зрелищу обаятельного песика, доставленного в суд из приюта для осиротевших животных, неожиданно вынесли вердикт: невиновны, приписав содеянное ими душевному потрясению из-за гибели корабля, а также временному умопомешательству. А в частных разговорах только усмехались: если сам покойный суперкарга ценил свою жизнь дешевле собачьей, то почему другие должны думать иначе?

– И если в свое время в стенах этого самого уважаемого суда, – произнес, делано пожимая плечами, адвокат, – признали, что убийство и даже возможное съедение человека может быть приравнено к съедению животного, то логично предположить, что и съедение животного может быть приравнено к съедению человека.

– Таким образом, – подошел к завершению своей короткой, но энергичной речи адвокат, – на основании прецедентов 234, 657, 907 и 1423 годов, а также 1234 и 5678 статей, пункты, соответственно, 23-прим и 111-бис Дополнительного уголовного уложения статей 2738 и 7779 Генерального Устава Космоплавания, прошу суд оправдать моего подзащитного за незначительностью деяния. У меня всё.

И с этими словами под искренние аплодисменты собравшихся дон Энрико сел.

– Суд удаляется на совещание! – возгласил пристав.

Двери зала совещаний раскрылись только через два часа, когда многие в публике стали уже позевывать.

Сначала вышли все двенадцать присяжных, а следом пристав вынес на вытянутых руках терминал Главного электронного судьи, на котором ярко горела надпись: «Оформленное решение суда».

За монитором волочилося что-то, в чем Питер с удивлением опознал кабель. Да, да – терминал был соединен с компьютером не тахионным, не нейтринным, не ультразвуковым, не инфракрасным, не УКВ-портом. Нет, с электронным судьей его связывал допотопный кабель, какие были в ходу, быть может, еще при Иване Грозном¹. [Иван Грозный – древний царь, за жестокость прозванный Васильевичем. (Именно в его честь был назван город Грозный, разрушенный полумифическим воителем страны Пабло де Мерседес.) Увлекался исследованиями в области рентгеновских лучей, о чем свидетельствует, в частности, его любимая фраза, обращенная к приближенным, зафиксированная в летописях: «Я вас, шельмы, всех насквозь вижу!»]

Поставив терминал на конторку и важно надув щеки, пристав начал читать:

– Заслушав дело «Среднегалактический союз против Питера О'Хары», всесторонне изучив его, принимая во внимание смягчающие и отягчающие обстоятельства, личность подсудимого и потерпевшего, на основании всего вышеизложенного суд постановил:

Подсудимого Питера О'Хару, бывшего обер-мусорщика большого транспортного фрегата «Туш-Кан» компании «Спейсфрок», признать виновным в убийстве четвертой степени и приговорить к смертной казни. Каковая в соответствии с пунктом 234-А Устава космического флота должна быть произведена путем оставления подсудимого в спасательной шлюпке без запасов воды, воздуха и продовольствия в ненаселенном районе космоса.

По истечении года посмертно помиловать и реабилитировать.

Судебные издержки в размере 10 000 000 среднегалактических кредитов взыскать с компании «Спейсфрок», из которых 50% перечислить на счет Вселенского общества защиты мелких и пернатых животных с возложением на последнее обязанности по увековечению памяти эдернийского полосатого хомячка, фигурирующего в деле под кличкой Князь Мышкин...

Это может показаться удивительным, но Питер выслушал свой приговор с каким-то особенным, совершенным и абсолютным равнодушием – с тем же, с каким прожил все эти месяцы в ожидании решения суда.

Не то чтобы он не хотел жить или не боялся смерти – просто странная уверенность в том, что с ним ничего не случится и всё кончится хорошо, жила на дне души.

Собственно, это спокойствие и отрешенность от мира длились все эти месяцы, с той самой минуты, когда ворвавшиеся в каюту капитана матросы, возглавляемые старпомом, обнаружили Питера стоящим над еще теплым телом капитана, с окровавленным регулятором в руках.

И с тем же чувством отстраненного спокойствия и равнодушия Питер пережил следующие недели в камере, ожидая ответ на апелляцию. Он получил отказ в помиловании, а также коробки дорогой жратвы и напитков от любителей животных, сочувственные письма со всех уголков Ойкумены, выражения сочувствия от обществ защиты прав животных, клятвенные обещания владельцев хомячков назвать потомство своих домашних любимцев его именем...

И вот наконец приход конвоя ранним хмурым утром, поездка в тюремном фургоне на космодром, погрузка на легкий крейсер «Буревестник», идущий в дальний учебный рейд, в наглухо задраенном каземате которого он провел последние дни, в ожидании того момента, когда судно достигнет необитаемых, неосвоенных областей космоса.

Он не злился на приговорившую его к смерти безмозглую железяку, у которой явно что-то переключилось в дряхлых мозгах, не обижался на людей, отказавших ему в помиловании. Более того, рассудком он понимал, что жизнь хомяка не стоит жизни человека (хотя пересчитать ребра Барбекю в любом случае стоило). Но в то же время не сожалел о своем поступке.

Сама судьба решила, чтобы всё случилось именно так, а не иначе.

В шлюзе его ждала целая шеренга людей. Капитан «Буревестника» Нгумо Таманго, его третий помощник по грузу и общим вопросам, представитель профсоюза космолетчиков –

старший инспектор Кролл Брасс, прокурор по надзору за отбытием наказаний Джастин Гофман.

Все эти уважаемые и занятые люди появились тут именно из-за него – всего лишь бывшего мусорщика с транспортного звездолета. Эта мысль заставила Питера чуть улыбнуться про себя. Был тут и боцман крейсера – могучий, как дуб, дядька лет под пятьдесят, с бритой наголо головой и вислыми усами и с совершенно непроизносимой фамилией – тоже эмигрант из отдаленных миров. Надо сказать, боцман проявлял к Питеру самое большое сочувствие, вызванное, видимо, непонятной и нескрываемой неприязнью, которую питал к его стражу, и даже как-то во время одной из редких прогулок по коридорам «Буревестника» украдкой спросил: не замордовал ли его «чертов лях»? Впрочем, и надсмотрщик (к которому это непонятное словосочетание относилось) боцмана явно недолюбливал – тоже непонятно, почему...

На рифленой палубе шлюза стояла старая обшарпанная пластиковая шлюпка модели ХС-124. Питеру эта модель была знакома. В свое время их клепали в огромном количестве для колонизационных транспортов серии «Кентавр», и кое-где эти неуклюжие, но надежные спасательные суденышки еще попадались.

– Прибыли в крайнюю точку маршрута, – сообщил прокурору капитан. Координаты... – он назвал несколько цифр: насколько знал навигацию Питер, это был противоположный Среднегалактическому союзу край освоенной людьми Вселенной. – До ближайшего обитаемого мира – 10 килопарсек. В радиусе светового года приборы не фиксируют наличия космических аппаратов. Место соответствует требованиям пункта Устава 234-А, параграф 7, абзац 4.

– Судно исправно, топливо отсутствует, аварийные батареи средств связи демонтированы, запасов воды, продовольствия, кислорода – ровно на 24 часа, – всё по уставу, – доложил в свою очередь капрал. – Можно запускать приговоренного.

Начальники один за другим заскакивали на несколько секунд внутрь, словно бы подозревали служаку в нечестности.

– Постойте-постойте, – вдруг встрепенулся инспектор. – А где же, извиняюсь, гальюн? Почему на шлюпке нет гальюна? Без него не выпущу!

– Но почему? – недоуменно уставился на него Таманго.

– По уставу, – отчеканил Кролл Брасс.

– Та ведь парню ж усё равно – смертник ведь, – подал голос старший боцман. – Чего ж зря человека мурыжить?

– Согласно Генеральной Космической Конвенции запрещается выпускать в рейс суда без гальюна, – уперся старший инспектор. – А смертник там или не смертник – не важно.

– Да, в самом деле – я присоединяюсь к мнению уважаемого коллеги, – вступил в разговор прокурор. – Закон есть закон.

Повисло молчание.

– Где гальюн?! – рявкнул Таманго на боцмана. – Где гальюн, я вас спрашиваю, Басаврюк?! – уже тише переспросил он, при этом смерив его нехорошим взглядом с ног до головы, как будто тот мог спрятать оную часть конструкции шлюпки за пазухой.

– Так ведь... – неуверенно протянул Басаврюк... – Так ведь, Нгумо Тумбович, я ж не виноват: мне это старье со склада уже такое выдали – их уж лет тридцать не выпускают. Уж и не знаю, где воны його откопали?

– Вы видели, что на шлюпке нет гальюна? – холодным тоном спросил Таманго.

– Та ведь я же и говорю, – сникал на глазах могучий дядька (Питеру, честное слово, стало жаль его), – разве ж я не понимаю? Но ведь такую выдали!

– Вы видели, что гальюна нет? – словно не слыша, повторил капитан.

– Нгумо Тумбович, да разве ж я... – боцман почти всхлипнул.

– И что теперь делать? – потерянно спросил капитан, внезапно словно забыв о боцмане. – Что мне, прикажете приговоренного обратно везти? Переводить на него нормальную шлюпку не стану – мне за это голову снимут! Тут за каждую гайку отчитываешься...

– Если закон этого требует, повезете обратно на Ивангоз, а потом вернете сюда, – сухо изрек прокурор.

– Да нет, вы не сомневайтесь, пан прокурор, – почти ласково пробормотал Басаврюк, выручая растерявшегося командира, – мы быстренько сообразим, чегой-нибудь в судовой мастерской сладим...

– Да что вы сладите? – с глубоким отчаянием в голосе произнес командир «Буревестника». – Что вы вообще можете?... Что вообще может наш флот?

– А если под ответственность экипажа? – вдруг просиял помощник. – Я ведь помню, есть же такая статья.

– А кто экипаж? – недоуменно уставился на него профсоюзный инспектор.

– Ну... вот он, – пожал плечами карго-мастер, указав на Питера.

– Ну, если только под ответственность экипажа... – протянул Гофман.

Сказано – сделано. Кролл Брасс тут же на услужливо подставленной спине боцмана написал акт о выпуске нестандартного космического судна под ответственность экипажа. Оставалось лишь получить подпись. Его, Питера О'Хары, подпись.

Подпись под его согласием на приведение приговора в исполнение.

И боцман, и надсмотрщик смотрели на него с одинаковым сочувствием. Питер только сейчас обратил внимание на то, что эти двое чем-то неуловимо похожи. Впрочем, это и неудивительно – оба уроженцы захудалых, окраинных миров, лежащих вдали от основных центров цивилизации, но сохранивших свой древний язык, свои особенности, свои праздники и то странное, на взгляд многих, мнение, что деньги – это еще не всё.

Затем боцман подошел к нему и, понизив голос, предложил:

– Слушай, Петро, будь другом – ну подпиши эту бумажку! Ну что тебе стоит? И тебе ж меньше мучиться, и нам без лишних хлопот. А?

У Питера на дне души промелькнуло было, что за сутки или двое, пока будут мастерить новый галюн, что-то может измениться, но он тут же оставил тщетную надежду и обреченно кивнул. Почти ничего не чувствуя, он взял непослушной, как будто чужой рукой протянутое ему стило и поставил какую-то закорючку под документом.

– Ну вот и славно, – прогудел боцман. Неторопливо, не оглядываясь, Питер подошел к открытому зеву шлюпочного люка.

Басаврюк украдкой сунул ему в карман объемистую бутылку.

На руке его застегнули браслет с цепочкой, на которой болтался маленький чемоданчик (в нем был его приговор и все прочие документы), и решительно, хотя и не грубо, втокнули в старую посудину, задраив за его спиной люк.

Из-за тонкой металлопластиковой стенки до Питера донесся торопливый грохот башмаков и лягз ворот шлюза. Затем замычал вакуум-насос, его звуки с каждой секундой становились всё глуше. Вот звук пропал, только мелкая дрожь пола еще продолжалась некоторое время. Потом удар катапульты бросил его на спинку кресла. Он отправился в свое последнее путешествие.

Нейтральный космос, примерно тридцать парсеков от района сброса шлюпки Питера. Временная сводная военно-полицейская эскадра. Крейсер «Муслим Магомаев» ВКФ Бакинской республики

Амир-аль-надир пятого ранга Султанбек Рза-оглы Маджидов, командующий непонятным образованием под названием «Временная сводная военно-полицейская эскадра», раздра-

женно мерил шагами кают-компанию своего крейсера. В вышеупомянутом статусе он пребывал последние часы. Вскоре эскадре предстояло быть распущенной за полную неспособностью выполнить поставленную задачу, а кораблям – разлететься кто куда.

Три месяца напряженного патрулирования в нейтральном космосе, бдения в засадах на перекрестках межзвездных трасс, бессонных вахт, когда перегревались сканеры и радары, – и всё впустую.

Пират вновь как в пустоту канул.

Впрочем, с самого начала Маджидов не возлагал особых надежд и на эскадру, и вообще – на всю затею. Дело было неважно задумано и еще хуже организовано.

Сперва почти три недели корабли собирались в точке старта – одной из захолустных баз, где (что выяснилось, как водится, в последний момент) не оказалось в достатке ни топлива, ни запасов. Затем начались долгие споры: кому командовать? Прежде согласованные и пересогласованные кандидатуры отвергались, из-за чего выход на позиции откладывался трижды. Последний раз это случилось, когда к ним внезапно присоединились два допотопных космических охотника: один – с Буркина-Буркина Фассо, а второй – из королевства Джуманджи. Из каких соображений спонсировавшие затею правители Среднего Запада и Икарийской Конфедерации привлекли их к делу, ведает, должно быть, один Аллах. Может быть, потому, что давно привыкли всё делать чужими руками.

И первое, что сделали новички, – потребовали замены командовавшего тогда эскадрой контр-адмирала Зигмунда Сигурдсона – на том основании, что он представитель белого меньшинства.

Не став спорить с нахальными африканцами, межправительственная комиссия по борьбе с пиратством (учрежденная по большому счету из-за одного «Звездного черепа») назначила командующим его, Маджидова. Но и на этом проблемы не кончились...

Одним словом, к моменту долгожданного старта о планах и предполагаемых маршрутах поисков знал не только последний матрос эскадры, но и любой уборщик на базе, и даже – Иблис их побери! – любой из полусотни прибывших освещать мероприятие журналюг.

Да еще половина их увязалась вместе с эскадрой.

Результат получился вполне ожидаемый: даже следов корсара вояки и копы не обнаружили, зато еще два корабля были ограблены совсем в другом районе космоса.

И вот они возвращаются ни с чем.

«Звездный череп» останется неуловимым еще полгода как минимум, пока штатские не раскатаются собрать новую эскадру.

Если только он случайно не столкнется с патрульным крейсером или фрегатом (а ишаки на нем, что ли, сидят – лезть в районы патрулирования?). Или не облаглет настолько, чтобы напасть на охраняемую планету.

Впрочем, была еще одна возможность – слабая и почти невероятная. Хотя ребятам из Космопола случалось уже не раз выигрывать в почти безнадежных ситуациях. Да, только на Михайлова и его команду оставалось сейчас надеяться...

...С новостной строки Галанета

...В приграничных районах Темной Лиги наблюдается повышенная активность военно-космических сил. Несколько крупных эскадр проводят одновременные маневры. Наблюдатели невольно задаются вопросом: не свидетельствует ли подобное поведение об агрессивных замыслах, исподволь лелеемых руководством Лиги?...

...В центральном районе Нью-Парижа – столицы Французской космической федерации произошла массовая драка между представителями темнокожей и арабской общин – двух основных этнических групп федерации.

По оценкам полиции, в ней приняло участие до 190 000 человек. Разграблен целый ряд банков, казино, супермаркетов, нанесен большой материальный ущерб городскому хозяйству. Пожарные до сих пор безуспешно пытаются погасить огонь, охвативший двухсотэтажный небоскреб Нью-Парижского делового центра. Уничтожено и повреждено большое количество автомобилей и глайдеров. Пострадало немало представителей белого меньшинства. Число убитых и раненых уточняется. Мэр Нью-Парижа господин Ахмед Абу Али-Мухаммед Хасан Акбар Хаттаб Исмаил-бей заявил...

Криминальная хроника. Европейский союз, Новая Швабия. Дерзкий побег из тюрьмы города Гамбургера: сообщники членов банды угонщиков, ожидавших суда в городской тюрьме, похитили из гаражей одной из планетарных частей бундесвера танк и с его помощью проломли стены тюрьмы.

За 18 часов пребывания на свободе они несколько раз брали по дороге заложников, удачно ограбили банк, совершили нападение на секцию восточных единоборств и школу полиции и сбили два патрульных глайдера. Только поднятому по тревоге бронетанковому дивизиону сил планетарной обороны удалось остановить беглецов. После задержания полицейские эксперты были поставлены в тупик: в крови самого трезвого из преступников содержание алкоголя соответствовало двум литрам недавно выпитого крепкого шнапса. Как в таком состоянии эти люди управляли сверхсложной боевой техникой – остается загадкой.

Свенска. Полицией города Унсала арестован владелец кхитайского рестораника, поставлявший восточным закусочным кошачье и собачье мясо. Местные жители снабжали его кошками и собаками всего по двадцать-тридцать крон за штуку. Перед убийством животных еще особым образом били в течение нескольких дней, чтобы мясо легче отставало от костей и было мягче и вкуснее. Как выяснило следствие, местные жители не только знали о печальной судьбе, уготованной несчастным домашним любимцам, но и частенько обращались к ресторатору за инструкциями, а затем точно так же избивали своих коров и свиней. Некоторые из подвергавшихся подобной экзекуции животных живы до сих пор и будут представлены в качестве вещественных доказательств на судебном процессе. Это дело обещает стать очень громким и, возможно, затмит недавнее дело о жестоком убийстве хомьяка капитаном звездолета...

Экономические новости: по информации из деловых кругов Халифата, на крупнейших рабских рынках этой страны уже в течение месяца отмечено некоторое падение цен. Ряд наблюдателей связывает это с ростом пиратства и ослаблением борьбы цивилизованного сообщества с контрабандой.

...Из светской хроники: скандал, связанный с нескромной (самое мягкое выражение) выходкой наследной принцессы Амазонийской монархии – Милисенты, продолжает оставаться в центре внимания многих СМИ.

Амазония лишний раз подтвердила репутацию страны с несколько специфическими взглядами на отношения полов и на общественную мораль.

Надеемся лишь, что подобные настроения не станут преобладающими в масштабах Ойкумены – в противном случае, закат цивилизации не за горами...

3. Амазонки и другие

Ее великолепное величество Ипполита XII, императрица вся Амазонии, пребывала в весьма и весьма невеселом расположении духа.

И тому были серьезные причины. Нет, ну экономический кризис, разразившийся на двух из двухсот с чем-то планет империи женщин-воительниц, пограничный конфликт с Дзинтари и очередные мелкие безобразия, творимые кое-где поднимающей голову Лигой за равные права (тьфу, противные маскулинисты!), – это еще так-сяк. Но вот всё остальное...

Сейчас ей предстояло решить три человеческие судьбы, причем судьбы людей, ей не чужих.

Во-первых, требовалось примерно наказать охранницу гарема, уличенную в том, что, подделав ключ для пояса целомудрия, полагающегося персоналу всякого уважающего себя серала, она нагло пользовалась мужьями Ипполиты.

Каждую из охранниц императрица знала в лицо, у многих даже бывала на днях рождения и свадьбах, некоторые служили во дворце семьями уже не одно поколение (именно из их числа была провинившаяся девица), и подобный поступок довольно сильно задел Ипполиту.

Что, интересно, делать с охранницей – дать ей сто плетей или ограничиться разжалованием с запретом содержать гарем сроком на три года? «При моей бабке эту распутницу, пожалуй, могли и на кол посадить, а теперь даже в тюрьму не посадишь!» – с неудовольствием подумала владычица Амазонии.

Задумчиво она пробежала глазами бланк распоряжения с проставленным именем и фамилией девицы. Что туда вписать – плети или просто увольнение и разжалование?

Во-вторых, ей нужно было разобраться с уличенной в крупной контрабанде генералом тыловой службы Иолантой де Сент-Люсия. Всё бы ничего, но Иоланта была ее старой подругой – еще по Особой эскадре. Причем де Сент-Люсия были семейством богатым, и генерал вовсе не умирала с голоду. (Список предметов роскоши, которые она купила на вырученные от незаконной торговли деньги, занимал три страницы распечатки.)

Скверно: если она спустит дело на тормозах, скажут, императрица покрывает старую подругу, а прижмет как следует, пойдут шептаться, что даже старую подругу не пожалела. И так и так плохо. Да, вредная у монархов работа: удивительно, почему на ней не полагается спецпитание? Куда только смотрит Амазонийская Лига охраны труда?

Но всё это, в общем, пусть и неприятно, но вполне можно пережить...

А вот в-третьих... Да, в-третьих...

Поверх груды бумаг лежало послание со Старой Земли (одной из пяти наиболее вероятных претенденток на этот статус), из дирекции лучшего в Ойкумене женского лицея, где обучалась (до недавнего времени) ее старшая дочь – принцесса Милисента.

Впрочем, подробности этого скандала были ей хорошо известны и без письма – о нем уже почти месяц трещали все информационные каналы двух десятков как минимум миров. (Каналов, к счастью, в Амазонии не принимавшихся, но содержание их передач было изложено в отчетах спецслужб.)

Теперь она имела возможность познакомиться со сведениями из первоисточника.

Как следует из послания и из публикаций, ее дочурка ни много ни мало попыталась изнасиловать директора лицея – почтенного Карло Колоддо.

Но мало того, при этом всплыло нечто такое, что затмило собой факт этих самых грубых сексуальных домогательств.

Дело в том, что почтенный Карло Колоддо, один из корифеев педагогики, в действительности оказался переодетой женщиной, долгое время скрывавшей свою сущность.

Разразившийся скандал усугубило то, что сразу после первых сообщений несколько бывших лицеисток тут же заявили о том, что состояли с ним (то есть с ней) в неподобающих отношениях, но тогда не стали поднимать шума.

Хотя директорат и уверял, что подробного служебного расследования не производилось (репутацию берегут, сволочи!), но указывалось, что имеющиеся факты скорее свидетельствуют против принцессы, чем за нее. А посему, несмотря на высокую честь, они не считают возможным дальнейшее пребывание ее высочества в их стенах.

Тем же рейсом, что прибыло это послание, заявила и сама Милисента, теперь сидящая под замком в одном из дальних крыльев дворца. (Вначале Ипполита даже хотела сторяча запретить ее на гауптвахте придворной кордегардии.)

Да уж, сюрприз так сюрприз.

«А в ее-то годы я была скромнее, – подумала Ипполита. – Только-только начала по чужим гаремам лазить. Правда, свой завела рано...»

Она хмыкнула. Причина, по которой ей пришлось срочно обзаводиться гаремом, и причина, вызвавшая скандал на Старой Земле, была одна и та же и звалась Милисентой.

И где теперь тот красавчик из новорусского посольства? Должно быть, стал обрюзгшим, расплывшимся чиновником, изнуренным государственными делами до полной импотенции.

Может, это в дочурке проявились гены уроженца патриархального мира?

Или правы были те, кто не одобрял того, как императрица воспитывала Милисенту?

Что есть, то есть – сама она была воспитана совсем по-другому: ее воспитывала мать точно так же, как ту воспитывала бабка, теми же «добрыми старыми методами».

Подъем в пять часов, обливание ледяной водой, завтрак из ломтя хлеба и кружки кофе, бег с препятствиями, бег с завязанными глазами, стрельба, а позже – пилотирование с загруженным противоперегрузочным устройством. Потом зубрежка до вечера – геральдика, история самых знатных родов, история империи. Но главное – стратегия, тактика и уставы, уставы, уставы... («Мы должны быть сильными и воинственными, дочка, ибо живем в мире извращенного патриархата».)

И не дай Богиня отступить от старых добрых обычаев хотя бы в малости!

(«Это что у тебя за тряпка? Бюст... гальтер? А, ну так бы и говорила, что лифчик. Запомни, дочка, – настоящей амазонке всякие такие лифчики за исключением противоперегрузочных без надобности – у настоящей амазонки грудь поддерживают ее мышцы!») И шелковый бюстгальтер, любовно сшитый ею украдкой, ночами, по выкройкам из тайком полученного от одной из фрейлин инопланетного журнала мод, летит в камин.)

А уж не приведи Богиня что-то сказать против («Тебе стрельба из арбалета не нравится? Что значит – зачем?? И мать моя, и бабка, и все предки ею занимались, и ты будешь! Ах, не хочешь? А ремня?»)

Даже первого любовника ей подобрала матушка, когда сочла, что «девочке уже пора», – танцовщика из императорского театра, без капли мозгов и способности понять чьи-то чувства, но зато прославившегося своей мужской силой в среде придворных дам.

...Только вспомнить, сколько труда ей стоило добиться у этих клуш из Государственного совета согласия на отправку Милисенты на учебу за границу!

И то наверняка многие согласились лишь потому, что надеялись: там, вдали от матери, принцесса спутается с каким-нибудь великосветским хлыщом, пустится во все тяжкие или устроит громкий скандал, который напрочь скомпрометирует ее... А там уж недалеко и до того, чтобы наследницей провозгласили кого-то из племянниц Ипполиты...

И вот, кажется, они своего почти дождались...

Она-то считала, что ее дочь умнее, что еще больше наберется ума, поучившись за границей! Что Милисенте не придется, как ей самой, украдкой, ночами, – не дай Богиня императрице показать свою слабость – изучать книги по политике и экономике. Что она не будет,

мучительно напрягая мозги, отчаянно пытаться отыскать решение какого-нибудь вопроса, чтобы потом узнать, что он давно уже решен в других мирах.

И, быть может, благодаря всему этому даже откроет новую эру в истории империи.

А она?! Опозорила на всю Вселенную!

Главное – кто бы мог подумать? Мелисента всё время была тихой и примерной лицеисткой, показывала едва ли не лучшие результаты среди своих соучениц. Свободное время проводила чаще всего не в компаниях и увеселительных заведениях, а в библиотеке. Даже, по докладам приглядывавших за ней сотрудников, особо не интересовалась противоположным полом. Подумать только – за полтора года ни одного парня, кроме как на каникулах – уже в Амазонии. Она даже начала несколько беспокоиться за девочку... И вот на тебе!

Да, хоть ты и императрица, а проблемы с детьми такие же, как у какой-нибудь хуторянки из захолустья...

И не в радость тебе тогда ни императорская корона, ни лучший в стране гарем на четырехместа.

Поднявшись, Ипполита подошла к окну, выходившему на Большой императорский парк. Ее взору предстал суровый, хотя и не лишенный красоты зимний пейзаж.

Низкое солнце опускалось за горы, увенчанные синими шапками снега. Замерзшие водопады блестели в закатном золоте, как яркие нити, спускающиеся с утесов.

В такую погоду недурно бы поохотиться на кабана, как предки незапамятного века, – с коня или летающего ящера, вооружившись одним копьём. Или просто пробежаться на лыжах... А ты вот вместо этого занимайся всякими безбашенными принцессами.

Вздыхнув, Ипполита вернулась к столу.

Нет, Милисенту нужно примерно наказать. Девочка в конце концов должна понять, что она не кто-нибудь, а наследница престола! Пусть, как хочется надеяться, это произойдет и не скоро (тьфу-тьфу-тьфу! – постучала монархиня по подлокотнику кресла из баунтийской пальмы, – вроде в нашем роду все долгожители), но неизбежно произойдет.

Тем более что других претендентов не наблюдается и, кажется, не предвидится...

Подумав с минуту, она нашла ответ. Решено – принцессу отправят на одну из дальних баз на границе империи сроком на год.

Пребывание где-нибудь на ледяном спутнике планеты-гиганта, вдали от светской жизни и придворной роскоши, под началом какого-нибудь немудрящего вахмистра из деревни, остудит ее темперамент. За это время шум поутихнет, скандальная история подзабудется, и вообще...

О Богиня, что это еще?

В кабинете прозвучал вызов одного из закрытых каналов спецсвязи ВКФ.

«Что еще случилось?» – встревоженно думала Ипполита, подбегая к пульту, оформленному под стол древней работы.

Передача, судя по всему, шла с какого-то корабля, находящегося в районе созвездия Большой Гидры.

Нажав кнопку, императрица слегка удивилась: на экране возникло лицо какого-то мужчины, насколько она могла судить, – мужа провинциальной баронессы.

В последнее время у ее офицеров завелась дурная привычка – таскать в походы своих мужей и даже наложников, а некоторые от скуки вообще начинали чудить и обучать слабый пол кое-каким зачаткам военной профессии. Видимо, это был кто-то из таких. Но где же вызывавшая ее? Что могло случиться, чтобы ее решились побеспокоить? И, кстати, почему в рубке нет офицеров? Было похоже, что вид императрицы до глубины души поразил незадачливого мужчинку, напрочь отбив у него дар речи. Номером он, что ли, ошибся?

– Ну так что – так и будем молчать? – решила прийти на помощь онемевшему собеседнику Ипполита.

Тот, выйдя наконец из ступора, вскочил и принялся кланяться.

Поклонившись раз пять-шесть, он опустился на одно колено и начал:

– Я, с позволения вашего великолепия, поставщик двора вашего великолепия, капитан Рутгер Залазни. – Э-э, я, ваше великолепие, – было видно, что собеседник от волнения покрылся испариной, – осмелился побеспокоить вас, дабы представить перед ваши светлейшие очи... – Он запнулся, хватая ртом воздух... – Представить пред ваши светлейшие очи любопытный экземпляр...

За десять стандартных часов до этого. Район космоса АМТ-37187347, ничейная территория.

... Питер сделал еще один глоток, смахнул уже привычные слезы, переждал обжигающую волну, прокатившуюся от горла к желудку, потерпел, еле сдерживая стон, пока огонь в животе погаснет. В бутылке оставалось еще немногим более трети, и это не могло не вызывать у него тоску. Пошел уже шестнадцатый час его пребывания в этой необычной камере смертников, которой совсем скоро суждено стать его склепом.

Вместо виски, на что надеялся Питер, боцман дал ему непонятный напиток, судя по запаху, перцовую настойку. Но что это была за настойка! На этикетке обозначено два десятка ингредиентов, прочесть названия которых при всём желании он был не в состоянии. Надпись выполнена мало того что на незнакомом языке, так еще какой-то непонятной азбукой, очень мало похожей на латиницу, не говоря уже о резких штрихах общего языка.

Пить это без закуски было практически невозможно.

Да что там – как это вообще можно пить?! Одно слово – продукция варварского мира!

Начав пить около часу назад, он стремился подгадать так, чтобы к моменту, когда кислород в шлюпке кончится, начисто отрубиться и покинуть этот грешный мир незаметно для себя.

Но пока опьянеть настолько не удалось.

Наоборот, приступы мутного полузабытья сменялись периодами отменной ясности мысли, один из которых он переживал как раз сейчас.

Невеселая обстановка располагала к воспоминаниям, тем более что момент наступил самый подходящий: с одной стороны, перед концом вроде бы полагается вспоминать прожитую жизнь, а с другой – случая ведь больше и не представится. По крайней мере в этом мире.

Он посмотрел на контрольную панель.

Энергии в аккумуляторах хватит ровно на сутки, как и всего остального, но химический термоэлемент будет вырабатывать тепло еще неделю (тут господа с «Буревестника» малость лопухнулись), так что его труп, прежде чем замерзнуть, изрядно разложится. Неприятное, должно быть, ожидает зрелище тех, кто через тысячелетия наткнется на эту шлюпку... Как, должно быть, будут они охать и возмущаться дикими нравами предков!

...А ведь, если подумать, сюда, в эту шлюпку, он попал совершенно случайно!

В тот рейс, в котором Питер купил Князя Мышкина, должен был лететь Уриэль Харрон, но тот заболел, и фирма сунула на «Туш-Кан» его.

Тогда они заглянули на планету Новый Петербург – нищую, отсталую, терзаемую уже который век непрерывными переворотами и реформами, изнемогавшую в борьбе за демократию и права человека (о сути которых, кажется, там уже давно успели благополучно позабыть).

Когда-то это государство занимало целое созвездие, а ныне состояло лишь из одной-единственной планеты: все другие, включая планеты ее собственной солнечной системы и даже обе ее луны, уже давно отделились.

Экономика начисто рухнула неведь сколько местных лет назад, ни науки, ни образования, ни культуры не было, и почти единственное, что экспортировал Новый Петербург, – дешевая рабочая сила. За ней, собственно, они и прилетели.

Выйдя из ворот грязного и обшарпанного новопетербургского космопорта, они оказались в настоящей клоаке.

Перед ними лежала огромная барахолка, уютно расположившаяся среди развалин старого монтажно-испытательного космического комплекса, в свое время (тогда планета называлась как-то по-другому) равного которому не было в населенных людьми мирах.

Торговали тут всем – от настоящих и поддельных драгоценностей (в соотношении эдак один к десяти) до оружия. Включая, между прочим, и пушки для крейсеров – широко распахнутыми глазами Питер уставился на огромное, серебрящееся ультраграфитом тело большого протонного излучателя, водруженного на ржавый трейлер, окруженный десятком людей в армейском камуфляже.

В изобилии бродившие тут размалеванные девицы и женщины при виде иностранцев начали посылать им воздушные поцелуи и призывно трясти бюстом. Некоторые, особенно бесстыжие, даже задирали несвежие блузки и футболки, наглядно демонстрируя свои столь же несвежие прелести.

На взгляд Питера, добрая половина этих дамочек вполне могла бы вызвать ужас у стандартного сексуального маньяка, а у обычного человека – стойкую психогенную импотенцию.

Но едва ли не больше всего поразили Питера местные стражи порядка – вальяжные, гладкие и румяные, ходившие, сыто переваливаясь, облаченные в серую, хорошо пошитую форму и вооруженные, кроме жутко дорогих импульсных автоматов, еще и длинными дубинками. Ни дать ни взять – откормленные голуби где-нибудь на площади в богатой и благодатной Новой Швейцарии или Объединенном Сенегале.

При этом в десяти шагах от них могли чистить карманы зазевавшегося бедолаги или трясти продавцов мордастые широкоплечие типы явно криминальной внешности, но стражи словно и не видели этого, даже если смотрели в ту сторону.

И еще – тут было необычайно много нищих, если можно так выразиться – на любой вкус.

– Па-амагите, люди добрые!! – верещала какая-то закутанная в рубище баба средних лет, дико коверкая общегалактический. – Самы мы не мэстные, людды-беженцы, наш звездолет подбили террористы, живем тут в космовокзале, двадцать семей...

– Господа, подайте на пропитание бывшему члену Государственной думы 799 созыва! Помогите, я не ел четыре дня, – надрывался худой благообразный тип с козлиной бородкой в лохмотьях, когда-то бывших дорогим костюмом.

Оглушенные всем увиденным, матросы поспешили обратно, и уже у самых дверей к Питеру подскочил вынырнувший из толпы старик в потрепанном капролановом армяке.

Он протянул ему корявую ладонь, на которой сидел маленький зверек с длинным мехом. На Питера уставилась пара крошечных бусинок-глаз.

– А вот, барин, купи хомячка! – предложил дед. – Забавная скотинка! Детям твоим на радость, себе на увеселение!

– У меня еще нет детей, – невпопад ответил мусорщик.

– Ну так будут, – невозмутимо ответил тот и улыбнулся, хотя глаза его были не очень веселые. – Купи, барин, – не прогадаешь, – повторил старик. – А то есть нечего, хоть самому этого оглоода толстошерстого на похлебку пускай! – Он грубовато пощекотал испуганно сжавшегося хомячка. – Пенсию уже десятый год задерживают...

Питеру стало жалко и зверька, и аборигена – они же не виноваты, что живут в этом сумасшедшем мире. И он вытащил из кармана несколько монет, выигранных им за полчаса до этого на кхитайском бильярде, протянул старцу и получил взамен теплый дрожащий комочек.

...Он так и не понял, когда и как произошел этот переход – вот он предавался воспоминаниям в шлюпке, в тесной пластметаллической скорлупке, которая вскоре станет его склепом, и вот уже вокруг него ставшие почти родными стены камеры на «Буревестнике».

«Это что же, выходит, всё мне приснилось и меня еще не казнили?» – недоуменно произнес Питер про себя. Особой радости он при этом не испытал – выходит, всё предстоит пережить заново?

Подумал, да так и замер, словно окаменев.

В левом углу его узилища стоял, прикованный к стене за руки и за ноги, не кто иной, как Эммануил Барбекю.

– Эй, – после довольно долгой паузы отважился наконец спросить Питер. – Ты что тут делаешь? – Он решил, что после всего случившегося «выкатать» своему бывшему кэпу как-то не с руки. – Тебя же вообще... – Он запнулся, не зная, что сказать.

Тело капитана «Туш-Кана» было кремировано, а прах, по обычаю космонавтов, развеян с орбитального челнока.

И тут жуткая в своей ясности мысль пришла в голову Питеру.

«Уже???!»

– Э-э, где мы? – И добавил, словно извиняясь: – Не подскажешь?

– Неужели не ясно? – произнес, запинаясь, капитан, подтверждая самые худшие подозрения своего бывшего подчиненного. – Мы с тобой в Преисподней! Ты тут за то, что убил меня, а я – за то, что убил твоего хомяка. Как его там – Царь Борис?

– А где?... – недоуменно спросил О'Хара.

– Что?

– Ну, котлы там, адский огонь... Чем тут наказывают?

– Про т-твое наказание я н-не знаю, а мое в-вот там, – заплетающимся от непонятного ужаса языком ответил капитан, указывая в угол. Питер перевел взгляд туда и оторопел.

В углу сидел откормленный, увеличившийся раз в пятьдесят по сравнению со временами, когда был жив, Князь Мышкин, которого за минуту до того там не было. Но как же теперь изменился его четвероногий друг! Хомяк плотоядно скалился, поглядывая горящими красными глазами на трясущегося от страха Барбекю, и точил длиннейшие и острые когти о стены каюты. После каждого движения на стене оставались глубокие борозды, а уши раздирали громкий скрежет. От зверя исходило басовитое гудение, с усов слетали лиловые искры.

Вот он хищно обнажил длинные клыки и неторопливо направился в сторону Барбекю. При каждом шаге слышался металлический лязг когтей, а палуба чуть вздрагивала под тяжестью его лап...

...Питер очнулся ото сна. Скрежет при этом вовсе не исчез, а продолжился, даже стал громче.

Через секунду Питер понял, что звуки эти доносятся с противоположной стороны обшивки, словно бы кто-то огромными когтями царапает борт шлюпки. Как будто пытаюсь добраться до него с некими очень нехорошими, возможно, даже сугубо гастрономическими целями.

На секунду Питеру стало страшновато: он вспомнил все те таинственные и жуткие истории, что между вахтами рассказывали в матросских кубриках. Все эти байки о Черном Звездолетчике, о Скелете Брошенного Механика, о Проклятых Десантниках с Летучего Гондурасца, и самую страшную – о Космогрызе Неумолимом.

Затем он невесело усмехнулся, бросив взгляд на таймер над люком, показывавший двадцать часов с минутами.

Если какой-то из этих персонажей явился сейчас по его душу и тело, то так даже лучше: вместо мучительной смерти от удушья его ждет подобная же участь, но только всё закончится в полминуты

Внезапно что-то рвануло шлюпку так, что Питера швырнуло обратно в кресло, а затем тяжесть навалилась на его отвыкшее от гравитации тело.

И в тот же миг космический мрак за иллюминатором сменился светом – тускловатым и, несомненно, рукотворным.

И только тут Питер сообразил, в чем дело, и хлопнул себя по лбу отяжелевшей ладонью! Вот, млин! Боцманская перцовка совсем, видать, отшибла ему мозги!

Его шлюпку просто зацепил случайно оказавшийся поблизости корабль.

Спасен! А он-то принял скрежет манипулятора за царапанье когтей!

Но кто это? Неужели на «Буревестник» всё-таки пришло помилование и они вернулись за ним? Или его спасли защитники животных – в письмах они не раз обещали устроить ему побег? Впрочем, это он скоро узнает.

И на радостях Питер залпом опрокинул себе в глотку остатки боцманской перцовки...

Незадолго перед этим. Там же

Капитан «Искателя» Рутгер Залазни с легким раздражением изучал показания приборов. И в этот раз – ничего. Ни обломков хоть какой завалывшей шхуны, ни астероида с рудными жилами. Нет, в этом рейсе ему определенно не везло!

Понятное дело, космический мусорщик – это звучит не гордо. Во всяком случае, не так гордо, как скажем, косморазведчик. Но ведь и мусорщики тоже нужны, ибо род людской производит на каждую полезную вещь адекватное количество мусора. Но везение по нынешним временам необходимо даже мусорщикам.

А вот его-то пока и нет.

Хотя и корабль у него лучше, чем даже у заносчивых спасателей военно-космических сил, и команда подобралась хоть куда.

Джамалетдин Квазиханов – непревзойденный повар и оператор систем регенерации и жизнеобеспечения.

Антонио Айсбер – рыжебородый флегматичный тип с толстым пивным животом, что не мешало ему быть великолепным оператором систем поиска и ловцом метеоритов.

Джим Кроу – штурман экстра-класса и, кроме этого, знаток астероидной планетологии, безошибочно умеющий выделять среди множества космических глыб перспективные с точки зрения полезных ископаемых. Плюс ко всему он был неплохим специалистом в области космической археологии, способным буквально с ходу определить, к какому периоду относится та или иная древняя штукавина, обнаруженная ими. (А главное – сколько можно выручить за нее.)

Ольгерд Ольмер – человек непонятно из какого мира, но толковый двигателю и по совместительству – фельдшер.

Ким Сун Дук, или просто Сун Дук, – умный и толковый пилот с Пхеньянско-Сеульской Демократической Чучхэи (за тот год, пока пилот служит у него, Залазни так и не расспросил его толком, где это находится).

Амнеподист Варсонофьевич Турин, энергетик, механик и при этом почти земляк капитана – его планета Малая Россия была в каких-то пятидесяти световых годах от Новой Калифорнии.

И правая рука Рутгера – боцман, он же старпом, Карен Никкербоккер, хваставшийся, что даже родился в космосе – его мать была стюардессой, а отец – капитаном на Сингапурско-Гренландских линиях.

Да, команда хорошая, а удачи всё нет и нет.

Места, конечно, вокруг глухие, что и говорить. Но именно в таком захолустье и можно отыскать настоящие жемчужины.

Однажды среди древних развалин разбомбленной нихонской военной базы в нейтральном космосе, давным-давно забытой, видимо, даже собственными хозяевами, они наткнулись

на целый склад монокристаллических самурайских мечей – распространенного в старые времена оружия абордажного боя. Антиквары столицы Нихон – Эддо давали за такой по пять сотен монет не торгуясь.

Когда цена упала до полутора сотен, Залазни прекратил торговлю и сбыв остаток клинков на славную экспорт ценных пород дерева Секвойю: и по сию пору тамошние дровосеки пользуются теми мечами.

В другой раз повстречали брошенный командой (не иначе – с перепоя) совершенно исправный космический дальнобойщик с грузом секс-роботов обоего пола хотя и устаревшей модели, но всё еще вполне пригодных к употреблению.

А как-то в поисках редких металлов на астероидах, в кольце одной из планет-гигантов, он наткнулся на распоровший брюхо о шальной метеорит небольшой пакетбот двухсотлетней давности. Трупов команды на нем не оказалось – видимо, они спаслись на шлюпках, и, как уж сложилась их дальнейшая судьба, бог весть.

Потом он пытался разузнать о пакетботе что-нибудь, но так ничего и не выяснил. Да и неудивительно: тот был приписан к расположенной на окраине Ойкумены полуварварской планете Таллинн, а там и теперь сам черт ногу сломит.

Как бы то ни было, груз на пакетботе, в числе которого было, между прочим, и полдюжины емкостей с сертифицированной спермой, сохранился отлично.

Находку эту он сделал неподалеку от этих мест, и ближайшим цивилизованным миром, где всё это можно было сбыть, оказалась Амазонийская империя.

Найденная им коллекция предметов старины была раскуплена в три дня. Более того, несколько вещей из этой коллекции приобрели для новой резиденции Ипполиты, благодаря чему Рутгер Залазни неожиданно для себя удостоился звания «Поставщик двора ея великолепного величества».

Кстати, наследственный материал (оказавшийся свыше всяких похвал) тоже ушел без проблем.

Собственно, ради вот таких находок они и работают. Одними метеоритами да заказами на уборку старых спутников и проржавевших станций сыт, сами понимаете, не будешь...

Стоп – кажется, космический бог услышал его беззвучные молитвы!

В левом нижнем углу экрана появилась яркая точка, которую спустя полминуты сканер определил с вероятностью более девяноста процентов, как «техногенный предмет невыясненного происхождения».

Сидевший за штурвалом боцман, не дожидаясь команды, перевел «Искатель» на новый курс.

Не прошло и пяти минут, как их корабль приблизился к предмету уже настолько, что его можно стало разглядеть в электронный телескоп, чем Никкербоккер немедленно и занялся, прильнув к окуляру.

– Спасательная шлюпка, – сообщил боцман через полминуты. – Модель точно не определю, но какая-то древняя скорлупка, – продолжил он. – Кажется, похожие еще были в ходу в дни моей молодости на лайнерах дальних линий.

Залазни нахмурился, но его душа наполнилась предвкушением возможной удачи.

Если это шлюпка с погибшего лайнера, то у пассажиров могут оказаться при себе ценные вещи... Нет, конечно, ему было жалко расставшихся с жизнью по воле всемогущего космоса бедолаг, но, с другой стороны, драгоценности им теперь уже не понадобятся... А, к примеру, если у кого-то осталась кредитная карточка и наследники не добрались до счета, то этот счет за прошедшие десятилетия, если не века, вполне мог вырасти до весьма кругленькой суммы.

Но зачем гадать? Скоро они всё узнают.

Боцман нажал кнопку, и к шлюпке устремился дистанционный захват, чтобы уже через полминуты вцепиться в нее мертвой хваткой. Хотя и не с первой попытки – огромные когти пару раз соскользнули с яйцевидного тела суденышка.

Теперь осталось только втащить находку в шлюз, что и было сделано в течение следующих пяти минут.

...С недоумением взирал собравшийся в шлюзе экипаж «Искателя» на заиндевелую, окутанную паром и распространяющую вокруг себя космический холод шлюпку.

Собственно, в ней не было ничего необычного, за исключением одного – входной люк украшали три печати с непонятной символикой. На вид – довольно свежие, хотя кто там разберет?

Увы, радужные надежды на имущество покойников, похоже, не оправдались.

Внезапно кремальера люка словно сама собой повернулась – они все невольно вздрогнули, но им тут же стало понятно, что это сидящий (сидящие) внутри пытаются выйти. Инстинктивно они всё же подались назад, пока крышка поднималась – медленно, с натугой: шлюпке явно не хватало энергии.

Вот люк полностью распахнулся, и в проеме появилась человеческая фигура. Через секунду неведомый пассажир высунулся наружу, и они увидели, что это молодой человек, в полосатой робе – интернациональной одежде обитателей тюрем, с пристегнутым к запястью кейсом.

– Я прифф... Я приветствую вас, мои ос... ос-осбо-водители! – заплетающимся языком изрек он, сделал шаг вперед и, запнувшись о комингс шлюпки, растянулся на палубе во весь свой немалый рост.

Ядреный молодой храп огласил шлюз.

Первым среагировал не многоопытный боцман, прошедший все космические огни и воды, не штатный медик Ольмер, не бывший космодесантник Турин.

Первым стал спасательный робот модели К-100Д, один из трех таких роботов, имевшихся на борту.

Коротко взыв гусеницами, он подскочил к неподвижному телу, на ходу выдвигая щупальца и сенсоры встроенного медицинского комплекса.

Через несколько секунд на экране уже обозначились данные первичного осмотра.

«Констатируется тяжелое алкогольное опьянение. Концентрация C_2H_5OH в крови близка к летальной. Состояние пострадавшего осложняется наличием в организме большого количества органических веществ невыясненного происхождения. Приступить к реанимационным мероприятиям?»

...Пока робот оттаскивал бесчувственного спасенного в медотсек, на ходу освобождая его от одежды, а опередивший его Ольмер лихорадочно настраивал всякую лечебную аппаратуру, оставшиеся занимались не менее насущным делом. А именно – распаковывали кейс, дабы решить, что делать дальше.

Что они столкнулись с почти забытым в цивилизованных мирах способом казни – было понятно.

Но вот что из этого следовало? Как им поступить со спасенным?

Может быть, они выловили какого-нибудь самого страшного убийцу или знаменитого космического пирата, на счету которого десятки загубленных судов?

Может, пока не поздно, запихнуть его обратно в шлюпку и выкинуть из шлюза?

Но, с другой стороны, вдруг это борец за свободу против тирании или просто несправедливо осужденный бедолага?

Впрочем, посмотрим, что написано в документах.

На первой странице вечной металлитовой бумаги была написана просьба ко всем, кто найдет эту шлюпку, по возможности уничтожить ее вместе с телом и – опять же по возможности

сти – сообщить о находке в какой-то Среднегалактический союз, в Департамент исполнения наказаний при Верховном суде. Так-так – ну и что же там написано?

– ...37 столпня 201 года Седьмой эры Среднегалактического союза, – капитан быстро ввел дату в компьютер и через секунду получил ответ, что такой календарь в памяти машины отсутствует. – Ну и пес с ним! Так... По решению юрискомпьютера № 121312723 – а я думал, их уже давно нет, – отвлекся еще раз Залазни... – Великого дворника Петера Ох-Ару... Да нет... Верховного ассенизатора... Генерального уборщика, что ли? Тьфу, что за чушь? Ладно, как там дальше... признать виновным в убийстве... Или тут «не-убийстве»?... Что за диалект у них такой корявый? Как будто дикари писали! – пожал плечами капитан.

Заинтересовавшись, его подчиненные тоже начали изучать документ, нетерпеливо заглядывая капитану через плечо.

– А кого убили? – с любопытством спросил Кроу. Криминальная хроника была его любимым газетным чтивом.

– Сейчас скажу. Был убит капитан Эммануэль... О господи, опять эти старые слова – котлета, бифштекс, шашлык? А, вспомнил – Барбекю... Ну и фамилия у покойника!

– Эммануэль? – переспросил Айсбер. – Но ведь это женское имя¹. [Эммануэль – женский персонаж древнейшей земной мифологии, олицетворение страстной свободной любви и сексуальной неутомимости. Больше ничего о нем не известно.]

– Ну, может, Гумануил, – с легким раздражением пожал плечами Залазни. – Так, что там дальше... – Брови капитана Рутгера недоуменно приподнялись.

– Тут вроде бы еще кого-то убили и даже съели... – Но прежде чем его товарищи успели испугаться, капитан добавил: – Хотя получается, что съел как раз этот самый убитый капитан Антрекот с развратным именем. И кто же был съеден? Кн... Князь... О – Князь Мыскин!

– Я что-то не понимаю: этот парень что, князя какого-то убил на пару с тем Бифштексом?

– Подумаешь, удивили, – пожал плечами Квазиханов, – у нас бывало, так почти каждую неделю какого-то князька мочили. На всех шлюпок не напасешься!

– Да нет, – вступил в разговор знаток диалектов Никкербоккер, успевший заглянуть в бумаги, когда Залазни отвлекся. – Тут что-то про хомяка – вроде не то у него хомяка сожрали, не то он сожрал хомяка...

– Подожди, но как это может быть? Если он хомяк – то почему он князь? А если он князь – то как он может быть хомяком?!

– Еще как может, – заступился за грызунов Ольгерд Ольмер, появившийся в дверях. – Вон на какой-то планете, сам там был, вместо президента так вообще обезьяна.

– А, понял! – радостно воскликнул Залазни. – Тут форма глагола *uttgadh*, а мне показало – *uttgadhha*, – да, язык тут явно устаревший. Теперь понятно – этот парень убил капитана Барбекю за то, что тот убил и съел его хомяка, которого звали князь... эээ, одним словом – ясно.

– Вот зверь! – в сердцах сплюнул Турин. – Убить за какого-то хомяка!

– А почему ты знаешь? – поправил его Айсбер. – Может, тот хомяк стоил чертову уйму денег?!

– А может, у него на родине хомяк – священное животное? – поделился своим соображением штурман.

– Хомяк – священное животное? Не делай мне смешно, приятель! – фыркнул механик.

Они бы еще долго спорили на эту тему, если бы не счел своим долгом вмешаться Никкербоккер.

– Ладно, хомяк там или не хомяк – это всё мелочи. А вот что теперь с ним, – жест в сторону медотсека, – делать будем?

– Да, в самом деле, – решил не упускать инициативу Рутгер Залазни. – Как мы поступим с нашей находкой?

– А в самом деле – как? – спросил кто-то.

...В эти ли секунды у капитана «Искателя» родилась идея, которая и привела ко всему прочему каскаду событий, или он пришел к этой мысли чуть раньше – не известно, да и не важно по большому счету. Но до ее обнаружения осталось совсем мало времени.

– Я думаю, его не надо выдавать властям, – сказал Айсбер.

– Я присоединяюсь, – буркнул Ольмер. – Парень, если посмотреть, свое уже получил – у смерти из самой глотки мы его выдернули.

– Ну, чего тут думать – отвезем до ближайшего мира и там выпустим, – высказал свою точку зрения Квазиханов. – Два раза у нас не казнят даже за убийство князя.

– Еще неизвестно... – начал было нахмурившийся Турин (его предубеждение к Питеру, следует упомянуть, объяснялось исключительно стойкой ненавистью к грызунам всевозможных видов; локаторщик даже состоял членом Союза любителей мышьиной охоты).

Но в этот момент и счел возможным вновь вмешаться в разговор Залазни:

– Всё это очень хорошо, парни, но что вы скажете о таком предложении... Мы ведь всё-таки не спасатели, а космические мусорщики, которые бороздят пустоту в целях заработка. Как вы, может, слышали, в Амазонийской империи до сих пор в ходу мужские гаремы, а парнишка нам попался довольно симпатичный. Так вот – вы не забыли, что я числюсь поставщиком двора ее амазонского величества?...

...Набрав хранящийся в его памяти номер (самые важные сведения Залазни хранил именно у себя в мозгу – мозги еще никому не удалось взломать, по крайней мере на расстоянии), он принялся ждать – космическая связь иногда выкидывала фортели, и проходило довольно много времени до соединения.

Но коммутация произошла почти сразу.

И капитан едва не упал с кресла.

С экрана на него смотрела, как живая, словно и в самом деле находилась по ту сторону стекла, довольно молодая на вид женщина в строгом костюме и со строгой прической.

Единственным украшением была тонкого плетения цепь, на которой болтался старинный золотой медальон с амазонским гербом, выложенный бриллиантами.

Выглядела она лет на двадцать пять с хвостиком, хотя Залазни достоверно знал, что ей ровно тридцать восемь. Точно так же, как знал, кто она такая. Да, ее он узнал сразу, хотя живьем видел всего один раз, и только издали, на приеме в честь поставщиков двора.

Господи, угораздило его попасть на саму императрицу! Он-то, набирая код, думал, что попадет на какую-нибудь секретаршу – ну, самое большее на дворецкую или старшую фрейлину.

(Еще один неожиданный поворот судьбы, внесший свою лепту во всё случившееся в дальнейшем, – за прошедшее время во дворце из-за ремонта главного узла связи произошла небольшая путаница с телефонными номерами.)

Почему-то уроженец ультрареспубликанских Федеральных Штатов Среднего Созвездия, стоило ему столкнуться с представителем знати – даже с паршивеньким бароном откуда-нибудь с окраин, испытывал жуткую робость, с которой ничего не мог поделать; что уж говорить об императорской особе!

– Добрый день, – выдал он из себя («А вдруг у них там ночь?») – подумал он, но исправлять было уже поздно). – Я, с позволения вашего великолепия, поставщик двора вашего великолепия... – Рутгер Залазни с превеликим трудом удерживал себя от того, чтобы не сорваться и не начать нести всякий вздор о том, что он безумно рад видеть светлый лик государыни: Ипполита, как он знал, не терпела подхалимов.

И те секунды, пока он выговорил несколько вступительных слов, показались ему неизменно длинными, так что, когда прозвучала ключевая фраза, он уже покрылся потом, словно бы многие часы вел корабль в метеоритном потоке.

Темескира, Императорский дворец, кабинет императрицы

– ...Представить пред ваши светлейшие очи любопытный экземпляр, – выдавил наконец он, когда монархиня уже начала слегка терять терпение. – Я вот тут... м-м – приобрел, м-м... раздобыл... – по случаю. Одним словом – человека...

– Ну, так обращайся к моей смотрительнице гарема! – фыркнула Ипполита, уже поняв, в чем тут дело.

Интересно, – подумала она, – кто это решил сделать ей такой подарок? Это ж надо было додуматься – дать ее личный номер (пусть и Малых покоев) какому-то неизвестному ей поставщику двора! Нет, конечно, ей уже не в первый раз подсовывали в постель красивых мальчиков, но не так же в лоб! Кто стоит за этим – радикалы или консерваторы? А может, это проделки умеренных?

Но внезапно ей стало интересно – что это за мальчик?

– Впрочем, – словно спохватилась Ипполита, – ладно: показывайте вашего красавчика. Посмотрим.

– Сейчас, сир... – ляпнул неуместный патриархальный титул Залазни и принялся переключать что-то на пульте.

Через несколько секунд глазам императрицы предстало изображение довольно большого помещения, где на низком лежаке растянулся, прикрыв глаза, субъект мужского пола лет немного за двадцать, на теле которого был минимум одежды.

Ипполита цокнула языком. Тут и в самом деле было на что посмотреть, ибо парень был весьма и весьма красив.

Стройное, пропорционально сложенное тело – плечи, как и положено, широкие (но в меру), бедра – как и положено, узкие, талия тонкая и наверняка гибкая.

Нежно-розовые губы, черные брови, густые кудри, рельефные мускулы... Вот он поднял веки, и императрица тихонько вздохнула: его сине-фиалковые глаза могли бы заставить быстрее биться любое женское сердце.

– Милый парнишечка... Он женат, не знаете? – почему-то спросила Ипполита, уже ощущая приступ неожиданной ревности при мысли, что такой красавчик наверняка не девственник.

– Никак нет, ваше великолепие, – подобострастно кивнул капитан Рутгер. – Э-э... В документах, во всяком случае, об этом – ни слова.

– Странно, – хмыкнула императрица. Про себя она подумала, что только в диком, стоящем на голове мире такой красавец не был замечен женщинами.

(Тут надо уточнить, что представления о мужской красоте у амазонок всё-таки несколько отличались от общепринятых. Кроме того, в большинстве миров для потенциальных невест размер банковского счета играет не меньшую роль, нежели красота претендента на руку и сердце. Впрочем, вздумай Питер избрать профессию, к примеру, стриптизера или решит улаживать за наличные богатых дам, он, пожалуй, очень быстро таковым счетом обзавелся бы.)

«Зацепило! – подумал Рутгер. – Ну, старина, кажется, ты поймал за хвост свою птицу удачи!»

– Ну что ж, вполне может быть... подойдет... – промурлыкала, явно заинтересовавшись, Ипполита. – Но я еще хочу посмотреть – что у него под трусами!

– Сию секунду! – кивнул Залазни.

...Еще не очухавшийся от нежданного счастья и похмелья Питер вздрогнул от громкого щелчка двери.

В каюту вошли трое матросов, одетых в потрепанные комбинезоны.

– Снимай трусы, – пробурчал старший из них лысый громила, покрытый шрамами.

Внутри у Питера вмиг похолодело. Он вспомнил не раз слышанные им от бывалых «космистов» истории, рассказываемые после очередной бутылки в трактирах захолустных космопортов, о том, что, озверев от отсутствия женщин, экипажи таких вот малых судов, хозяева которых имеют привычку экономить на антисексуальных пилюлях, предаются разного рода извращениям. И развлечение с допотопными резиновыми куклами – самое невинное из них.

– Но, ребята, я не могу... – всё еще растерянно пробормотал он. – Ну поймите же, я не по этой части... Я... конечно, вам благодарен...

– Сказано – сымай трусы и не умничай, екорный бабай! – рявкнул зашедший с тылу Джамаледдин и протянул лапу в сторону ягодиц Питера.

И тут же отлетел от мощного удара ноги в живот – бывший чемпион родного городка по пик-боксингу среди любителей ударил, не глядя, не поворачиваясь, на звук.

Кувыркнувшись через голову, Квазиханов растянулся на полу, слабо постанывая.

– Недурно, – за пару тысяч световых лет отсюда довольно сдвинула брови Ипполита.

В дело вступил бывший грузчик Ольмер, чтобы быть брошенным через бедро и врезаться головой в дверь.

– Красота! – восхищенно хлопнула в ладоши императрица.

Третий кинулся в атаку, размахивая кулаками, – и тут же покатился по полу каюты, держась за разбитый нос.

– Ого! – Больше слов от восхищения у государыни амазонок не было.

В каюту ворвались еще двое, повисли на Питере, как собаки на медведе, – и разлетелись в разные стороны, жалобно вопя.

– Блеск! – подпрыгнула Ипполита в кресле, вдруг ощутив себя молоденькой девчонкой, перед свиданием с известным своими способностями красавцем.

И в этот момент резинка форменных тюремных трусов не выдержала, и они упали на истертый пластик пола.

Радостный взвизг владычицы амазонок огласил дворцовые покои... Она еле успела вырубить звук.

Даже несмотря на не очень хорошее качество связи, увиденное зрелище вызвало у давно не общавшейся с мужьями, закопавшейся в делах владычицы приятную, томительную теплоту в низу живота и сладкое головокружение...

Отдышавшись, императрица вновь вышла на связь с «Искателем».

– Значит, так, – деловым тоном сообщила она прямо-таки трясущемуся в предвкушении ее решения Залазни. – Я заплачу тебе за этого котика – ну, скажем, столько сурминия, сколько он весит. Короче, давай шпарь на Амазонию и не теряй попусту времени! И не обижай его там, господин поставщик моего двора...

На этом она отключилась.

Подумать только – этот красавчик совсем скоро будет в ее постели. Может быть, уже завтра.

Да, что там еще? Нужно написать эти указы... (Ну хоть какая-то радость сегодня, на фоне всех этих неприятностей.)

Несколько небрежно набросанных строчек, приложенный к детектору перстень – и, вся в предвкушении грядущей ночи наслаждений, Ипполита нажала клавишу пневмопочты, отправляя указы в канцелярию.

...Так ли уж удивительно, что на радостях она совершила маленькую ошибку (чего вообще-то с ней раньше не бывало), написав три резолюции на одном и том же бланке.

В результате принцесса Милисента за действия, позорящие императорский дом, покушение на честь императорского дома и недозволенные махинации, была приговорена к порке плетьюми, лишению гарема, разжалованию из генералов в капитаны и ссылке на одну из приграничных военных баз сроком на год, без права апелляции.

Комплекс Императорского дворца, гостевое крыло. Несколько часов спустя

– ...Нет-нет, ваш-высочество, и не просите уж! Никак не могу. То ж приказ самлично вашей матушки-императрицы! Вот если бы, скажем, вы были императрицей, а какой-нито, извините, задрипанный вахмистр ваш августейший указ нарушил – что бы вы сделали?

– Так меня что – арестовали?!

– Ну, зачем же арестовали? Зачем же так сразу, ваш-высочество. Велела она вам находиться неотлучно тут, никуда не выходить – значит, так тому и быть. А про арест ничего такого не было сказано.

Наследная принцесса Амазонийской империи Милисента с тоской посмотрела за спину своей бывшей воспитательницы, где располагался выход из этих шикарных апартаментов, теперь, похоже, ставших для нее тюремной камерой.

На двери каюты был всего один обычный замок, открывающийся поворотом рукояти. Но пытаться прорваться мимо Сары Карлсон было глупо и бессмысленно.

Из могучей кряжистой старухи можно было сделать трех таких, как Милисента, а справиться она могла даже и с пятью такими, несмотря на всю спецподготовку, какую принцесса прошла в кадетском корпусе. И неудивительно, ведь старая вахмистрша обучалась своему делу не в тренажерных залах и учебных схватках, а в реальных боях, которых за ее жизнь было ох как много!

– Но я должна немедленно поговорить с мамой! – обреченно вымолвила принцесса. – Понимаешь? Должна!

– Ну кто ж спорит? – примирительно протянула Сара, которая впервые познакомилась со своей венценосной воспитанницей, когда принцессе было пять с небольшим лет.

«Пожалуй, – подумала вдруг Милисента, – с этой грубоватой, но в сущности такой доброй теткой, бывшим главным сержантом¹ [Главный сержант – существующая в некоторых армиях должность – нечто вроде старшего представителя рядового и унтер-офицерского состава при командовании. При этом бывают не только главные сержанты частей, родов войск, но даже и главные сержанты вооруженных сил в целом] амазонийской армии, я встречалась чаще, чем с родной матерью...»

– Матушка ваша, конечно же, поговорит с вами. Да не бойтесь вы: неужто за какую-то, прости Богиня, телку, которую вам вздумалось потрепать, государыня вас осудит?

– Да ты не понимаешь... – в отчаянии обхватила голову руками девушка. – Я должна всё объяснить...

– Не надо, ваш-высочество. – Ладонь Сары легла ей на плечо. – Не надо оправдываться: это хоть и не совсем правильно, но ведь не так, чтобы и плохо... Не надо уж вам так особо стыдиться...

Милисента еле удержалась, чтобы по-детски не всхлипнуть.

Даже Сара, знающая ее с детства, не верит, что всё это наглая ложь! Что это выдумка подлой твари!

Нет, конечно, виновата прежде всего она, и никто другой.

Она, как дура, влюбилась в этого... это... эту... эту дрянь, не распознав, что перед ней баба! Она, всю жизнь сторонившаяся «розовых» и умевшая их различать с первого взгляда!

Стыдно вспомнить: когда с Карло свалился расшитый позументами учительский сюртук и из оказавшегося под ним корсета, как из-под облезающей банановой шкурки, перед ее взором предстал немолодой (но, надо отдать должное, еще вполне крепкий) женский бюст, она обал-

дела до такой степени, что позволила директору (или директрисе – как ее там лучше обозвать?) сорвать с нее форменное платье, повалить на диван и впиться смачным засосом в ее грудь.

И только когда та, вдоволь обслонявив свою жертву, извлекла из сумочки вибратор великанских размеров и, сбросив штаны, принялась лихорадочно пристегивать его к поясу своих проститутских ажурных чулок, вот тогда Милисента пришла в себя.

«У, тварь! Пусть скажет спасибо, что этот вибратор она загнала ей в... одним словом, туда, где ему самое место, а не заставила сожрать! И еще смеет жаловаться на три сломанных ребра и выбитые зубы...»

В своей наивности Милисента полагала, что ей скажут спасибо за разоблачение старой потаскухи. Не тут-то было! Только позже она поняла, какой удар нанесла по репутации своей альма-матер, где, кроме нее, учатся еще по меньшей мере три десятка девиц из царствующих династий Ойкумены, да и прочие принадлежат к семьям сильных мира сего.

И, чтобы отвести тень, брошенную на их заведение, крайней они сделали Милисенту. Конечно, куда проще и лучше подать всю историю так, что дело в юной разнузданной эротоманке с окраин Ойкумены, чем в лицейском начальстве, под носом которого творилось не один год невесть что...

– Да и вообще, виданное ли это дело – наследницу престола посылать учиться в эти дикие мужичьи миры? – гудела старуха. – Тут я с вашей матушкой, что хотите со мной делайте, ваш-высочество, не согласна – зря она вас туда послала, в энтот лицей. И чему в энтот лицее можно хорошему научиться? Небось девки сплошь порченые, извращениями занимаются, вроде этого – тьфу, даже стыдно сказать... Не-е... вот при вашей бабушке было по-другому... Бывало, девчонку читать-писать да с компьютером где-чего нажимать и как из бластера палить научат, да сразу на корабль или в войска там планетные. А там уж – захочет жить – обучится чему надо... И ничего – почитай, все соседи нас боялись!

Милисента печально вздохнула. Сейчас старая Сара пустится в многословные воспоминания о бурной молодости, о лихих рейдах под водительством Ипполиты XII – тогда еще принцессы, заставившей соседей считаться с собой и заметно расширившей границы империи, и о смазливых пленниках, оттраханных сразу после боя прямо на груди старых скафандров.

Нет, Саре не понять ее страданий.

...Двадцатью этажами выше и полукилометром левее, в одной из гостиных южного крыла, собравшиеся придворные обсуждали переданный на их персональные пейджеры полтора часа назад именной указ императрицы по делу принцессы.

Тут собрался цвет высшего общества – не самые блистательные красавицы и даже не самые богатые и знатные, а самые умные и влиятельные. Своего рода – теневой кабинет империи.

У непривычного человека могло зарябить в глазах от шитья вицмундиров и армейских погон, блеска орденов и безумно дорогих фамильных драгоценностей на фоне элегантных платьев.

Но даже среди собравшихся выделялась своим блеском (как в прямом, так и в переносном смысле) почетный председатель этого собрания, достопочтенная виконтесса Таисья Кукушкина, занимавшая в свое время почти все посты в правительстве Амазонии, а ныне заведующая гаремом, или, по-древнему, – кизляр-ага. Впрочем, за глаза ее называли «Кизляр-Яга» – за строптивый нрав и солидный возраст.

В данный момент говорила комендант Темескиры – генерал-лейтенант Инна Черская.

– Думаю, особо возникать тут нечего – указ, конечно, странный, но воля правительницы – закон. Проблем тут особых не будет. Вначале высечем – благо она даже не солдат, а так, чина не имеющая личность. И поделом, откровенно говоря. Потом – ну, присвоим ей генерала – оформим приказ задним числом, мало ли отпрысков нашей знати записаны во флот чуть

ли не с рождения, а то и с момента зачатия. А потом, в соответствии с указом, разжалуем до капитана...

– Нет!! – бахнула кулаком по столу Алиса Комитени, маркиза и командир ударного корпуса. – Вы все – безмозглые клуши, которым надо не государством рулить, а... – Почтенная маркиза не стала уточнять, чем именно следует заниматься. – Вы бы хоть подумали: что будет с нами всеми, когда ее высочество сядет на трон? Что она с нами сделает? Думаете, она не припомнит нам эту порку? Ну ладно, я старуха, я, может, помру. Ты, Инка, тоже. Но вы-то, вы?!

По лицам присутствующих было как раз видно, что маркиза зря тратит свои нервы, и именно вот это они прекрасно понимают.

– Но почему такая суровость? – пожалала плечами герцогиня Ирина Снежная – статс-секретарь императрицы, недавно вернувшаяся из очередной командировки в одну из окраинных систем. – Дело, конечно, скандальное...

– Почему я знаю? – фыркнула графиня Черская. – Может быть, девчонка своей выходкой нарушила какие-нибудь внешнеполитические планы императрицы? Кто знает, что у нашей правительницы в голове? И вообще – что мы так шумим? Ты, Алиса, зря нагнетаешь обстановку. Можно подумать, нашу теперешнюю царицу в детстве мало пороли? Да и нас с тобой – тоже.

– Сейчас другие времена, и принцессу воспитывали совершенно по-другому...

– Вот то-то и оно, что воспитывали не так, как надо! – хмыкнула Кукушкина.

Однако ее мало кто поддержал.

– Может, всё-таки побеседовать с Ипполитой? – тоненько протянула маркиза Здислава Запковска – самая молодая из присутствующих, недавно вошедшая в их число. – Если вы боитесь... я готова сама...

Собравшиеся дружно зашикали.

– Или ты не знаешь, что Ипполита никогда не отменила ни одного указа? – саркастически рассмеялась Сэй Кикуджиро. – Брось и не ломай себе карьеру!

– А если... – нерешительно начала вице-канцлер.

– Что? – напряженно повернулись к ней все собравшиеся.

– Ну, я подумала... может, нам... ввести императрицу в заблуждение? Ну, там составим акт о порке, оформим ссылку на какую-нибудь тыловую базу, а на самом деле спрячем Милисенту где-нибудь в наших имениях, гарем для вида расформируем, а на самом деле тоже где-нибудь у себя приютим... до поры до времени...

– Но у Милисенты еще нет гарема, – робко напомнила главная егермейстерша.

– Да это-то как раз пустяки, – махнула рукой Таисья. – Скинемся, подруги, по одному-два мужичка – вот и гарем. Потом же и заберем их обратно. А когда ее величие остынет, подсунем указ о снятии опалы, и всё будет тип-топ...

– Ладно, попробуем, – вздохнула Алиса. – Убедили, соратницы.

«И что я тут делаю?! – вдруг подумала Ирина. – Зачем мне вся эта придворная канитель?»

Да, совсем как в старом анекдоте, как сказала генерал, застав своего адъютанта, кувыркаящейся с тремя генеральскими мужьями разом: «Ну я-то ихняя жена, но тебе, девочка, зачем это надо?» Послать бы эту политику подальше, уехать в поместье, забыть обо всём, заняться наконец устройством личной жизни и воспитанием дочки, оставшейся от второго и последнего из неудачных браков.

Но – нельзя. Потому что – не так уж много по-настоящему надежных людей вокруг трона. И тем более – не так много настоящих друзей у Ипполиты.

Хотя последняя попытка дворцового переворота была подавлена в Амазонии уже почти полтора века назад, но друзья царствующей особе нужны, быть может, больше, чем кому-нибудь другому.

А если всё-таки переговорить с императрицей? Нет, не стоит. И дело не в монаршем гневе, который может на нее обрушиться. Просто она слишком хорошо знала свою давнюю подругу. Та и в самом деле очень редко меняла принятые решения. Больше того, попытки отговорить от них зачастую приводили к обратному результату. В этом смысле Ипполита XII удалась в прабабку – Ипполиту IX, она же Великая.

...Наверняка члены теневого кабинета весьма удивились бы, узнав, что указ, который они так яростно обсуждали и который, по идее, пока не должен быть известен никому, кроме узкого круга посвященных, в данный момент так же обсуждается в одном из особняков, принадлежащем не кому иному, как лидеру радикальной оппозиции – княгине Элеоноре де Орсини.

Сейчас выступала не она, а маркиза де Трухильо. Обсуждала она, правда, не сам указ – ее давно уже занесло несколько не в ту степь.

– Радикалы стали играть при дворе и в империи непозволительно низкую роль! Я считаю, что мы должны воспользоваться ситуацией и незамедлительно поставить вопрос... – задыхалась от возмущения маркиза де Трухильо. Какой вопрос следует поставить и куда, она не уточнила, торопливо наполнив стакан квасом и влив его в пересохшее горло.

– Мы видим, как падают нравы, как славные традиции Ипполиты Великой забываются, как разложение всё явственнее дает о себе знать! – продолжила она, отдышавшись. – Дошло до того, что не только мас... маскулинисты (слово это она выговорила с неприкрытым отвращением) почти открыто собираются на свои мерзкие сходки! Нет, мало и этого – вы подумайте – даже среди нас, сильного пола, появились сторонницы безумной идеи равенства женщин и мужчин!

– Я готова простить девчонке даже эту ее выходку, – вернулась она к теме. – В конце концов, быть может, кроме директора, не нашлось подходящих мужиков: чего еще ждать от извращенного патриархального мира?! Но даже довести дело до конца у нее не хватило пороха, черт возьми!

– Это верно, – проскрипела графиня Камилла Паркер. – Молодежь нынче пошла не та! Вот во времена моей молодости мы не разбирали – там мужик или баба, а сношали всё, что шевелится! Насилуешь – так насилуй, а не разводи всякие мерехлюндии с антимониями!

Кое-кто неодобрительно поморщился.

Конечно, сейчас не прежнее суровое время, не эпоха Ипполиты XI, но всё равно не стоит графине так открыто бравировать своей нестандартной ориентацией, особенно в ее почтенном возрасте. Пусть закон и люди и снисходительно относятся к маленьким слабостям сильного пола. Но ведь не зря сказано в Святом писании: «Когда Богиня Великая Мать создавала женщину и мужчину, она сотворила все части их тела именно для того, для чего нужно, а не для того, чего не нужно...» Поэтому все поползновения использовать детородные органы не так, как предписано природой, и не к субъекту другого пола (чем грешат извращенные патриархальные миры) сурово осуждаются моралью и законом. Ну, к женщинам этот закон, положим, и впрямь куда снисходительней...

– Я готова полностью согласиться с маркизой, – сообщила виконтесса Даллаская, – двор погряз в непозволительной роскоши! А в это время число мужчин, вынужденных работать, неуклонно растет, ибо женщины не могут прокормить свои семьи! Из-за больших гаремов наблюдается и дефицит мужчин – уже нередки случаи, когда несколько женщин вынуждены в складчину обзаводиться одним мужем – где это видано? Да еще эта идиотская мода – заводить детей не так, как установила природа, а с помощью врачей – некоторые идиотки вообще месяцами стоят в очереди за элитной спермой! И это в то время, когда у одной только императрицы в гареме четыре сотни здоровых лбов!

Нужно потребовать от Ипполиты принять закон против роскоши и немедленно ограничить предельное число мужей хотя бы полусотней для знати и десятком для простолюдинок!

Нужно защитить нашу мораль! Императрица с ее либеральной политикой перешла все границы допустимого...

– Достаточно того, что она нарушила освященную веками традицию и дала наследнице имя, которого нет ни в святцах, ни в истории царствующего дома! – выкрикнула из своего угла какая-то дама с простым рыцарским гербом. Но ее уже никто не слушал: всё высокое собрание начало наперебой высказывать претензии к власти и ругать правящую династию.

Разошлись они только часа через три, вдоволь наговорившись и получив от почти всё время молчавшей княгини де Орсини приказ, чтобы быть наготове и ждать, начав действовать по первому же сигналу.

Но ушли не все: осталось несколько самых доверенных соратников (виноват, соратниц).

– Ну что, подруги, видели? – начала она, сразу взяв быка за рога. – Ясное дело – с этими нашими мартышками пива не сварить. А вот мы с вами сварим. Итак – слушайте, мои славные подруги, что я предлагаю...

Ее никто не перебил: выступления вождя оппозиции всегда были весьма толковыми, а произошедшее событие принадлежало к разряду таких, что лучшего случая в очередной раз атаковать трон представить было невозможно.

4. Пираты и магнаты

Известный всякому, кто смотрит новости, грозный силуэт «Звездного черепа» с замысловатыми башнями многочисленных надстроек, артгнезд и лепестками огромных антенн сверхдальних локаторов (превосходящих, как утверждали, состоящие на вооружении у лучших космических флотов) величаво плыл в черной бездне, на фоне сгустков туманностей и звездных скоплений. Вокруг гипергенераторов вспыхивало и гасло пурпурно-лиловое сияние – пиратский рейдер был готов в любое мгновение исчезнуть отсюда.

Внутри, за фальшивой обшивкой, прятался обычный курьерский фрегат рязанской постройки, правда, радикально переделанный.

Три из пяти грузовых трюмов были превращены в танки для топлива.

А под брюхом был подвешен специальный двигатель, подобного которому не существовало во всей вселенной. Это был единственный опытно-экспериментальный экземпляр, еще не доработанный и до конца не испытанный. Как он попал к пиратам – разговор совсем особый.

Точно так же, с какой целью его создатель пожертвовал одну из своих передовых разработок именно им.

Пираты были вполне довольны жизнью.

Только за прошлый месяц они захватили пять судов – от небольших каботажных шхун до грузового галеона. Два из них – самых старых и вылетавших свой срок – они отпустили, сняв с них груз и ограбив до нитки пассажиров и экипаж, при этом высадив на их борт большую часть пленных.

И сейчас команда последнего настоящего корсара Галактики активно пользовалась добытыми благами.

На камбузе, кроме штатного кока – Такомбы Балумбы, в поте лица трудился бывший шеф-повар лайнера «Астранийский павлин», знаменитый буквально на всю Ойкумену кулинар Марсий Попадакис, и два его поваренка.

Пираты ни в чем себе не отказывали и ежедневно обжирались деликатесными омарами, зеленой икрой осетров с планеты Кикапу, мясом крылатых турецких оленей, томскими василисками и лягушками, фаршированными салом, и прочими инопланетными деликатесами, которые выгребли из холодильников лайнера и трюмов захваченных транспортов.

Марсий Попадакис, добродушный толстяк, носивший среди знакомых прозвище Папа-Попадаки, двукратный лауреат «Бриллиантового половника», влюбленный в свое ремесло, еле еле удерживал слезы при виде того, как прожорливые разбойники съедали в один присест деликатесную яичницу из сотни яиц земного перепела (со Старой Земли!!), которую полагается вкушать медленно и со вкусом, тратя не больше десятка. Или с презрением отшвыривали, наевшись до отвала, нежнейшее филе дильмарских ящериц.

Старпому Флинту даже пришлось ввести ежедневные обязательные пробежки по кораблю в тяжелом скафандре с полным вооружением, ибо кое-кто уже, раздобрев на дармовых харчах, с трудом в него влезал.

Целый жилой коридор был занят под корабельный бордель, где томились жертвы, как говорили в далекой древности, «разнузданной похоти разбойников». Тут, правда, женщинам со взятых на абордаж кораблей весьма повезло: на первом же лайнере корсарами был взят в качестве трофея знаменитый цефеевский стрип-балет «Лунные девицы» во главе с его суперзвездой, вселенским секс-символом Китти Кэт.

Так что пираты оттягивались со вкусом.

Впрочем, отдыху и веселью предавались не все – кому-то нужно было и делом заниматься. Вот, например, именно сейчас в главной трофейной кладовой старпом «Звездного

череп» Эндрю Флинт в сопровождении еще троих помощников проводил очередную ревизию сокровищ, собранных ими за год с небольшим разбоев и грабежей.

Ревизия заключалась главным образом в следующем: открыв шифрозамки на всех шести сейф-сундуках, Флинт созерцал спрятанное в них добро, сверяясь изредка с записями в своем электронном блокноте, время от времени погружая руки по локоть в глубину содержимого, извлекая то одну, то другую вещь и любуясь ею в свете тусклых панелей. Правду сказать, тут было чем полюбоваться.

Грудой лежали драгоценности – ожерелья и серьги из кампийского янтаря и новопанамского полосатого сапфира, искусные диадемы, кулоны и браслеты лучших ювелирных фирм Ойкумены и даже некоторое количество старинных, носивших неподдельную печать времени антикварных драгоценностей – возможно, еще украшавших шеи и запястья красавиц Старой Земли, не исключено, что и задолго до космической эры.

В других сундуках хранились деньги.

Тут были платино-иридиевые тонкие пластины Халифата, расчерченные арабской вязью, голографические цветные фантики Нубии, морды – деньги далекой Великой Мордовии, сплошь покрытые микроскопическими портретами знаменитых сограждан, золотые и серебряные кредитные карточки на предъявителя, с логотипами крупнейших банков Вселенной, пачки акций и облигаций... Было несколько тюков валюты стран отдаленных и вообще Флинту неизвестных, которые он хранил на всякий случай.

Были бы тут наверняка деньги и драгоценности нечеловеческих рас, если бы оные расы встретились роду людскому.

Внезапно в нагрудном кармане замигал красным огоньком, сигналом особо срочного вызова, и запищал на редкость противным писком (обозначавшим ту же самую повышенную срочность) персональный коммуникатор старпома.

– Ну что там? – спросил Флинт, не скрывая недовольства.

– Шеф, это Таблетти, – прозвучал голос вахтенного оператора. – Подойдите к нам – я тут перехватил занятную передачу...

– Хорошо, буду! – И, оставив сопровождавших его сподвижников заdraивать двери хранилища, старпом направился в рубку, на ходу придумывая кару для не в меру ретивого связиста, если то, ради чего он оторвал начальство от созерцания добытых сокровищ, окажется пустяком.

...В то же самое время по коридору в направлении своей каюты торопливо шагал не кто иной, как капитан «Звездного черепа», атаман самой знаменитой за последний век пиратской шайки, человек, одно имя которого заставляло вздрагивать космолетчиков едва ли не четверти Ойкумены, – капитан Питер Хук. Торопился он к себе, ибо чувствовал настоятельную потребность в уединении. Вызвана она была, правда, отнюдь не личными причинами, а теми же, что заставили его помощника прервать столь приятное занятие. Его коммуникативный браслет уже две минуты посылал ему в запястье частые электрические уколы. А это значило, что на связь со «Звездным черепом» выходил его хозяин.

Икарийская конфедерация. Нойес-Берн. Район Сити

Джозия-Альберт Хушински, миллиардер, медиа-металло-космо-агро, и прочая, и прочая магнат; не то чтобы олигарх, но что-то к этому близкое, спускался на минус двадцать девятый этаж офиса своей компании «Империтор Крейзи».

Путь его лежал в секретный центр связи – один из пяти таковых, причем самый секретный из них.

Пока Хушински ехал в лифте, шахта которого была для надежности замаскирована под мусоропровод, он просматривал распечатки – дайджест заметок прессы, касающихся пират-

ского корабля «Звездный череп». Корабля, являющегося (в числе прочего) собственностью магната.

...Всё это – происки спецслужб, пытающихся доказать свою полезность в преддверии сокращения бюджетных ассигнований. Нет, это происки военных, мечтающих получить новые чины и награды за борьбу с пиратами.

«Звездный череп» послан Темной Лигой. «Звездный череп» – затея Халифата, злобствующего на немусульманские миры. Пираты, несомненно, работают на кого-то из крупных капиталистов, с их помощью стремящегося подорвать дела конкурентов.

Прочтя этот пассаж из особенно «желтой» газеты, Хушински не обеспокоился – ведь именно он через подставных лиц организовал эту публикацию: вор громче всех должен кричать: держите вора.

Команда «Звездного черепа» на самом деле – это агенты враждебной людям инопланетной цивилизации, шпионящие за ничего не подозревающим человечеством, дабы в нужный момент нанести ему удар в спину, заодно подрывающие его экономику.

Так, ну ясно, что этот бред мог появиться только в листке «Союза гуманистов-ксенофобов». Помнится, последнюю забастовку врачей они тоже объявили организованной инопланетными агентами, дабы способствовать вымиранию рода людского. И так далее, и тому подобное...

Кабина остановилась, и Хушински вышел. Лифт доставил его в ничем не примечательную, тускло освещенную комнату с несколькими стальными дверями по периметру и пластиковым столом с древним кнопочным телефоном.

Магнат направился вовсе не к какой-нибудь из дверей. Нет, он сделал нечто, со стороны могущее показаться весьма странным.

Устроившись за столом, он достал из ящика затрепанную книжку карманного формата, на обложке которой остроухий рыцарь рубил какое-то чудовище (книжка была из бесконечной серии о приключениях защитника Света эльфа Фулендила), и принялся листать ее.

Между двести двадцать второй и двести двадцать третьей страницей был вложен погашенный купон благотворительной лотереи, дающий право на одно бесплатное посещение знаменитого столичного публичного дома «Рашель 69».

Именно номер этого купона и набрал Хушински, подняв телефонную трубку.

Выждав девять гудков, он положил трубку и ровно через минуту позвонил снова.

И после этого... нет, двери остались неподвижны. Сказать по правде, они были чистой бутафорией, и за ними ничего не скрывалось, кроме бетона стены да еще неприметных датчиков сигнализации.

Но зато часть пола ушла вниз, явив глазам хозяина ряд ступенек.

Именно там располагался самый засекреченный центр связи в хозяйстве Джозия-Альберта Хушински, и именно оттуда ему в скором времени предстояло выйти на связь со «Звездным черепом». С его собственным пиратским кораблем.

...Как сказал древний мудрец[Станислав Лем. *«Звездные дневники Иона Тихого. Путешествие восемнадцатое»*], «межзвездное корсарство себя практически не окупает, и лучшим доказательством является то, что оно весьма мало распространено». Нет, конечно, время от времени отдельные чудачки пытались воскресить старые добрые времена, но заметных успехов не достигали и заканчивали свой путь, либо попав под залп патрульного фрегата, либо разоряясь.

Но вот однажды Джозия-Альберту пришла в голову некая мысль.

Ход его раздумий был примерно таков: ежедневно кто-то нанимает киллеров для обеспечения своего бизнеса. (Бизнес самого Хушински давно уже перешел ту грань, когда услуги подобных специалистов ему требовались – для этого существовали его газеты, сайты и теле-

каналы.) Так почему бы для того же самого не нанять киллеров, так сказать, космического масштаба?

Ему ли не знать, как болезненно реагирует биржа: падением всевозможных курсов и индексов – на всякие мелочи вроде отставки министра или переворота где-нибудь на другом краю освоенного мира?

А если вдруг в космосе появится ужасный и неуловимый пират?

Идею эту он обдумывал не один день и не одну неделю – точно так же, как обдумывал любой из своих коммерческих проектов, а это был очень многообещающий коммерческий проект.

Причем непременным условием было то, чтобы тайна его причастности к сему делу была сохранена на вечные времена и безоговорочно.

Некоторое время Хушински предполагал нанять уже существующую шайку откуда-нибудь из глухих углов Вселенной, но довольно быстро передумал.

Мало того, что публика эта была совершенно неуправляема, его попытки установить с ними контакт вполне могли попасть в поле зрения соответствующих органов, и тогда ему не поздоровится.

Он был почти готов отказаться от своей затеи, но тут нашел гениальный выход из положения.

Если невозможно привлечь к делу уже существующих пиратов, то почему бы не создать своих собственных?

И начал действовать.

Среди его многочисленных деловых партнеров были два человека, которых он использовал для всякого рода щекотливых дел.

Это были владельцы конторы «Сукки и сыновья» со станции «Рубин». При этом никто из них не был ни загадочным Сукки, ни тем более кем-то из его сыновей. Звали их Джон Немо и Ян Нихиль, а настоящих их имен он не знал, да и не интересовался – на вышеупомянутой станции народ подобрался самый разнообразный, и прошлое большинства было довольно темным.

Они-то и взялись за дело.

Уже через два месяца «Звездный череп» атаковал первую жертву – сухогруз-миллионник, доверху забитый прессованными ферментами с Северной Таврии, на которых держалась пищевая промышленность трех обитаемых систем.

Цены на этот товар подскочили четырехкратно, акции разнообразных заводов по производству снеди упали вдвое, а когда всё успокоилось, прибыль корпорации «Империтор Крейзи» превысила все первоначальные вложения.

И пошло-поехало...

Его компании наращивали прибыли, а конкуренты усыхали на глазах. С начала его затеи уже две транспортные фирмы Икарийской конфедерации обанкротились, а их имущество перешло к компании Хушински. Только в прошлом месяце прибыли его судоходных корпораций выросли на пять процентов... Нет, разумеется, время от времени приходилось устраивать нападения и на свои корабли – иначе власти наверняка бы заподозрили неладное, но в отличие от конкурентов он ничего не терял, а, напротив, приобретал. Груз и судно не без выгоды перепродавались где-нибудь на окраинах цивилизации (этим занимались все те же Немо и Нихиль), а сверх того ему еще и выплачивалась страховка. Кстати, благодаря его пиратикам уже разорилась одна страховая компания и еще одна находилась на грани издыхания. А куда пойдут их клиенты? Конечно, к нему!

Пираты грабили, а его медиаимперия вовсю нагнетала страсти, запугивая общественность и коммерсантов.

Это, кстати, способствовало бешеному росту популярности его изданий.

Таким образом, «Звездный череп» и его команда приносили хозяину двойную прибыль: и за счет, так сказать, основной деятельности, и за счет того, что благодаря сенсационным репортажам с места события популярность изданий и телепрограмм медиамагната непрерывно росла. Один только репортаж журналистки его порноеженедельника «Си, сеньор!» Дженни Ягодки, якобы случайно попавшей в плен пиратам на лайнере «Астранийский павлин», – «В постели с капитаном Хуком», прогремел на всю Галактику.

Конечно, уже не раз власти, доведенные до отчаяния воплями прессы и слезными жалобами бизнесменов и страховщиков, устраивали охоту на корсара, но Хушински-то что? Его агентура в Министерстве космического флота и в Комиссии космической безопасности – на самом верху загодя предупреждала о готовящейся облаве. Тем более что журналисты присутствовали и на военных кораблях, давая возможность Хушински заблаговременно узнать о всех планах охотников за неуловимым пиратом и всякий раз предупреждать атамана Хука.

«Нет, разве я не гений?!» – напыщенно подумал про себя Хушински. Вот хотя бы неделю назад именно с помощью своего ручного корсара он устранил некую проблему, внезапно возникшую у его давнего делового партнера.

Потребовалось срочно разобраться с одним кораблем – вернее, с грузом. Кто-то из подчиненных ухитрился отправить контрабанду – и не простую контрабанду – на суденышке, не имеющем надежной связи. И, разумеется, слишком поздно узнал, что на месте его уже ждет полиция. Как кстати прихлалась его пиратская затея!

Три дня назад пришло сообщение, что корабль перехвачен. В официальных сводках будет отражено, что пьяные пираты выкинули весь груз, среди которого якобы не было ничего ценного, за борт.

А в действительности груз – очень ценный груз – будет переправлен на одну из покинутых военных баз, кажется, забытую даже самими бывшими хозяевами, где время от времени отставался «Звездный череп». Потом груз с выгодой продадут – всё те же «Сукки...», а деньги, разумеется, переключают на счета «Империор».

...Сев в кресло перед передатчиком, Хушински нажал клавишу питания. Пока аппаратура разогревалась, он придвинул к объективу приемника телемонитор городского видеофона и набрал номер одной из линий – не светиться же своей физиономией в эфире, пусть и засекреченном? Дождавшись, когда на панели зажжется огонек готовности, он нажал другую клавишу – вызова.

«Звездный череп»

...Захлопнув за собой дверь каюты и тщательно заперев ее, – хотя кто посмеет вломиться к капитану без стука? – Хук достал из-под подушки пульт и, набрав код, запустил терминал секретной связи.

И на секунду опешил. На экране похотливо улыбалась вульгарно накрашенная блондинка довольно-таки бордельного вида. Внизу бегущей строкой шла реклама какой-то видеотелефонной секс-фирмы.

Хотя в лицо своего таинственного нанимателя ни капитан, да и никто из команды «Черепа» не видел, но всё равно Хук не мог привыкнуть к его обыкновению представлять каждый раз в новом неожиданном облике.

– Добрый день, капитан! – нежным голосом, лишь легким дрожанием выдающим работу ревербераторов и маскирующих модуляторов, сообщила девица, кокетливо стянув с плеча бретельку. – У меня для вас хорошие новости. – С этой фразой она стянула и вторую бретельку. – Ваш рейд окончен, и вы должны возвращаться на базу. Перед этим слетаете к свободному поселению «Рубин», вызовите своих знакомых и сдадите им последние трофеи. Кстати, думаю, пора избавиться от пленников – поговорите с ними на эту тему тоже.

– Э-э, как... избавиться? – изо всех сил стараясь сохранять каменное выражение лица, поинтересовался Хук.

– Что значит «как»? – строго спросила девица, к этому моменту давно сбросившая лифчик и теперь кокетливо оглаживающая грудь. – Что за вопрос, капитан? Разве в Галактике уже прекратилась торговля людьми? Разве вы не знаете, что на базарах Звездного Халифата спрос на белых красоток всегда превышал предложение? Тем более что у вас такие отменные экземпляры.

– А мужчин? – робко осведомился Хук. – У меня же и мужчины...

– Мужчин, пожалуй, тоже можно будет продать – ну, хотя бы в Амазонию. Но это уж ваши смежники разберутся. – Девица на экране приспустила трусы и повернулась к Хуку задом, при этом соблазнительно вращая бедрами. – Вопросы есть? Если нет, то конец связи.

После того как экран погас и белокурая бестия исчезла, Хук поправил вывалившееся из-за пояса брюхо и горько застонал.

...Еще полтора года назад он не был пиратом. Он был скромным бухгалтером на Гроубе и скромным членом «Общества исторической космонавтики».

Собирал модели старинных космопланов: крейсеров, линкоров, фрегатов, каравелл, галер, броненосцев.

Но главным в этом смысле было другое: Хука невероятно интересовала история космического корсарства. В его библиотеке почетное место занимали любовно собранные им тома, и печатные, и электронные, о пиратах старого времени.

В его доме на самом видном месте висели портреты Гора Думкопфа, Васи-Бензопилы и Мариам Стамбульской.

Но, разумеется, о карьере космофлибустьера он и не мечтал – не мечтал даже в детстве. Его мечтой было, выйдя на пенсию, купить маленькую ферму и разводить лохматых хухриков.

Но вот однажды, когда в обеденный перерыв он сидел в любимом рестораничке и пил свою чашечку натурального земного кофе – единственное излишество, которое он мог себе позволить, – и заедал изысканный напиток вареньем из крабов, к нему подвалили два человека с неприметными лицами и предложили участие в некоем проекте по исторической реконструкции, обещающем неплохие деньги.

Он не был дураком и понимал, конечно, что дело тут как минимум не совсем чисто. Но надежда хоть слегка прикоснуться к своей давнишней мечте отгеснила на задний план все прочие соображения. Кроме того, его согревала мысль, что он сможет уйти наконец с надоевшей службы, купить ферму и заняться хухриками.

Действительность оказалась куда страшнее и без преувеличения непереносимей.

Взять хоть эту историю с журналисткой из порногазетки.

Целый месяц он был вынужден терпеть дикий темперамент этой рыжеволосой дьяволицы, а потом еще читать те гадости, которые она про него написала.

Но это, конечно, пустяки по сравнению с тем, что на его совести теперь людские жизни. Правда, за всё время убитых было очень мало: каких-то пять человек (сущие пустяки по сравнению с тем, что могло бы быть), да и те, правду сказать, – представители малопочтенной категории портового отребья, которых его корсары прихватили на шхуне контрабандистов. Но всё равно – не будь его, эти люди были бы живы... А что будет дальше? Сколько еще они смогут оставаться безнаказанными, несмотря на всю ловкость их хозяина? Ведь известно: сколько веревочке ни виться, а на кончике всё равно петелька образуется...

Всё чаще и чаще Хук вспоминал главу из двадцатитомной «Краткой истории космического пиратства» профессоров Грейдера и Чудовищева, посвященную карам, в разное время назначенным в разных краях за этот малопочтенный промысел.

Вот и сейчас строки дотошных историков назойливо лезли ему в голову.

Посаждение на кол в условиях пониженной гравитации – указ халифа Мансура X. Толчение живьем в гигантской ступе – постановление Лойя Джирги Ичкерии (на себя бы посмотрели!) Повешение (всего-навсего старое доброе повешение!)... Расстрел из скорчеров (число стрелков – не менее взвода)... Сожжение на плазменном стуле (дешево и сердито – пепел казненного незамедлительно продувается в атмосферу гигантским вентилятором). Скармливание гигантским хищным кроликам – на Диоре...

И некстати вспоминалось, что старые законы пока никто не отменял.

Господи, ну за что ему всё это? Неужели же он больше всех нагрешил?

С тоской он открыл створку бара-холодильника, вынул оттуда блюдечко с нарезанным анавасом¹ [Анавас – один из самых популярных в Ойкумене фруктов. Выведен генетиками Старой Земли в незапамятные времена, на основе ныне вымершего ананаса. Существует множество сортов анаваса с целой гаммой вкуса – от нежирной ветчины до спелой клубники], тарелку с деликатесным синим салом, обладающим ароматом колбасы, – продукт высоких биотехнологий со Святого Лукьяна, и бутылку настоящего земного (со Старой Земли!) рома. Потом кисло поморщился и спрятал всё обратно.

– ...Значит, говоришь, ровно столько сурминия, сколько этот котьяра весит? – переспросил Эндрю Флинт у оператора, не перестававшего колдовать за пультом гипосканера.

– Это не я говорю, шеф, это та тетка, – словно оправдываясь, уточнил Таблетти. – По правде сказать, не разобрал толком, кто такая. Но, кажется, никак не меньше ихней графини или герцогини... Начало разговора я не перехватил.

– Отлично! – хлопнул старпом по плечу Таблетти. – Пеленг, надеюсь, сумел взять?

– Обижаете, шеф, – широко улыбнулся макаронец. – Уже и предварительный курс начал рассчитывать.

Флинт довольно кивнул.

– Еще лучше. Получишь две доли добычи.

– Я ведь не ради денег стараюсь, – расплылся в широкой итальянской улыбке связист. – Просто не умею плохо делать дело...

Но старпом уже не слушал его. Мысли были заняты совсем другим. Сурминий, и не меньше восьмидесяти кило... Это ж сколько будет фунтов? Да, а Флинт знает несколько мест, где за него можно получить цену раз в десять большую, чем в здешних краях. А эти амазонки весьма богаты! Пожалуй, когда *всё закончится*, имеет смысл заняться ошпиыванием перышек их империи... Впрочем, что за глупости лезут в голову – когда *это* произойдет, он будет очень и очень далеко отсюда. Правда, неожиданный рейд за драгоценным веществом придется еще согласовывать с атаманом...

При этой мысли Флинт мысленно сплюнул.

В ста парсеках ближе к центру Галактики. Борт «Искателя»

...Капитан Залазни созерцал свою травмированную команду со смешанным чувством наслаждения и горечи. С одной стороны, его драгоценные остолопы принесли ему гору кредитов, дав возможность трофею показать себя во всей красе.

Но из-за их скверного самочувствия наладить работу корабельных механизмов долгое время никак не удавалось, и «Искатель» не набирал и половины возможной скорости.

Конечно, нельзя сказать, что он тащился с черепашьей прытью, но, на взгляд капитана, слишком медленно нес его к вожделенному богатству.

Только пару часов назад, более-менее придя в себя, они наконец отладили приборы как должно.

Двигатель измененной метрики пространства – изобретение древнейшее, настолько старинное, что давным-давно забылся его создатель, и гениальное – такое же, как колесо, гнал

небольшой кораблик космических мусоросборщиков по нейтральной зоне, приближая их к точке рандеву.

Точке, где он обменяет свою неожиданную находку на сурминий. А потом...

Потом у него будет всё, что он пожелает.

Новый корабль, а значит, новые подряды. Возвращение на Новую Калифорнию, где о нем будут говорить с уважением и завистью: «О, этот Рутгер Залазни умеет делать бизнес!» Удачная женитьба. А в будущем, когда скитаться по космосу ему поднадоест, он сможет, например, стать мэром своего родного города.

Ну, его команда тоже внакладе не останется – надо будет немедленно поднять им жалованье вдвое. Денег хватит. Теперь их хватит на всё!

Темескира. Императорский дворец. Сераль

...С застекленной галереи Ипполита наблюдала за тем, как в главном зале сераля развлекались ее мужья.

Человек двадцать, разбившись на две команды, играли на берегу бассейна в пляжный волейбол. Кто-то дулся в карты, кто-то развлекался виртуальными играми (но таких было немного: эти развлечения, как дурно влияющие на мужские способности, были строго ограничены). Иные даже читали.

Между ними прохаживались охранницы – в закрытых наглухо комбинезонах, в поясах целомудрия и шлемах с неподнимающимся забралом – на тот случай, если кто-то из них опустится до отвратного «*чреслогоршанного блюда*».

Позвать, что ли, двух наложников? Или трех? Нет, не будем сбивать охотку...

Она подумала о своих мужьях, привычно им посочувствовав. Каково им, бедным, по три месяца самое меньшее, а то и по полгода не видеть женщину? Но, с другой стороны, ведь не силком их загоняют в гаремы – ну, разве что некоторых. А так – сами ломятся сюда, прилетают со всей империи, всеми правдами и неправдами пролезают на конкурсы красоты...

Кроме того, когда-никогда положат в постель почетной гостье или просто какой-нибудь знатной даме.

Этот обычай, почти забытый при ее матушке, Ипполита потихоньку возродила, хотя кое-кто и говорил, что, мол, это отдает чем-то варварским.

Но императрица только посмеивалась: она не страдала патологической ревностью, кроме того, мужчинам обходиться без женщин куда труднее, чем наоборот. Одно слово – слабый пол. Да, в конце концов, от нее же не убудет, даже если кто-то забеременеет от ее мужчин. Да, забеременеет... Вот еще проблема. Не самая, конечно, важная (хотя это как посмотреть), но всё равно чувствительная.

Следом за Милисентой у нее родилось трое детей, но, увы, – все мальчики. Она решила на этом остановиться. Пока, во всяком случае.

Нет, великие князья растут умными и здоровыми, как и положено благовоспитанным амазонийским мужчинам, не интересуясь ничем, кроме фитнеса и любовных романов. Старший уже женат и украшает собой гарем герцогини Эрны де Альба – вице-адмирала Западного флота.

Но императрице хотелось еще одну девочку. Увы, на этот счет законы и обычаи Амазонии были весьма строгими, не делая исключений даже для императриц. Средства для выбора пола ребенка были строго запрещены.

Как гласит по этому поводу «Кодекс Александры»: «Если бы Богиня хотела этого, создавая женщину, она бы установила на ее животе тумблер „Девочка/Мальчик“».

Кстати, как раз на эту тему ей сейчас предстоит тайный разговор.

В дальнем конце галереи появился невысокий суетливый человек в синей хламиде и с резным, богато украшенным посохом.

Это был не кто иной, как Иргар Шпруттер – придворный маг императрицы, высший посвященный черной и белой магии и астрологии, кандидат в члены Серого совета планеты Готика, успевший стать довольно известным.

Вообще, маги с планеты Готика встречались буквально по всей освоенной Вселенной и считались лучшими в своем деле. Вернее будет сказать, маги с Готики были, по большому счету, единственными, кто умел хоть что-то.

Быстро и по-деловому, без излишней лирики и смущения изложила Ипполита ему свои затруднения.

– Полагаю, ваше величество, – рассыпался перед ней в любезностях маг, – что ближайшие три месяца будут весьма благоприятны для того, чтобы ребенок, зачатый вами, был женского пола. Об этом свидетельствует и благоприятное расположение знаков Зодиака – Каракатица находится в противофазе с Мышью, а Раковина – с Пчелой. Но для полной гарантии я должен буду изучить гороскоп, как бы это сказать поделикатней... Того, скажем так, кого вы сочтете достойным, дабы стать отцом вашего ребенка... Того, кого вы выберете в качестве отца, хм, предполагаемой наследницы, – уточнил он для полной ясности.

– Вы всё получите, – кивнула императрица. – Но подготовку начните уже сейчас.

Вновь рассыпавшись в поклонах, маг исчез в том же направлении, откуда появился.

С некоторой долей скепсиса она проводила его взглядом.

Может быть, магия поможет ей осуществить давнюю мечту? Ведь и в самом деле люди с Готики способны на многое...

«Звездный череп»

– Нет и еще раз нет, старший офицер! – повторил Хук. – Вы не хуже меня знаете, каковы инструкции на этот счет, данные нашим хозяином. Действовать только по прямому указанию и только в тех районах, где это предусмотрено. И потом – гоняться за каким-то космическим мусорщиком ради какого-то парня, за которого какая-то там сексуально озабоченная бабенция готова выложить сумасшедшие деньги? – (Хук и не подозревал, что сейчас совершил проступок – «неуважительное высказывание о царствующей особе», караемый по амазонийским законам арестом на месяц, или двадцатью ударами бамбуковой палки ниже спины.) – Нет, увольте...

– Но я уверен, – начал Флинт. – Я уверен, что...

– Идите, старший офицер, идите, я вас больше не задерживаю, – замахал руками Хук, при этом изобразив на лице брезгливую гримасу, что, по его мнению, должно было означать крайнюю озабоченность важными делами.

На взгляд же Флинта, капитан выглядел так, словно под нос ему подсунули блюдо с заливной рыбой – самой большой гадостью, которую, по мнению старпома, могли избобрести повара.

Флинт вежливо кивнул и вышел прочь.

Только отойдя от капитанской каюты на достаточное расстояние, он дал волю своей ярости:

– Жирная крыса! Таракан трюмный! Морж хреновый! – вспоминал старпом древние пиратские ругательства. – Что он себе воображает?! Что Эндрю Флинт так запросто откажется от пары сотен фунтов чистого сурминия? Как же – жди!

Тем более что сурминий ему не помешает: Флинт как раз собрался, покончив с промыслом, сделать временную остановку в одном из тех мест, где он очень и очень ценится.

«Но, в сущности, это даже к лучшему», – подумал вдруг старпом. У него теперь есть отличный повод начать давно задуманное и подготовленное. Правда, он планировал всё про-вернуть недели через две-три... Но ведь и случай подходящий!

В следующий час Флинт переговорил с дюжиной членов команды, которым доверял больше, чем другим.

В результате абордажник Пыннис Саад отправился к капитанской каюте – на всякий слу-чай, еще трое – в рубку, остальные – к маршевым двигателям и в центральный пост, а сам Флинт в сопровождении еще двух – в главную кают-компанию.

В данный момент тут собрались почти все свободные от вахт. Как обычно, пили вино, резались в карты, почти не обращая внимания на извивающуюся на подиуме под какую-то музыку полуголую девицу – они уже успели привыкнуть к ставшему ежедневным развлека-нию.

Флинт вскочил на подиум, при этом ловко сняв с него оторопевшую девицу, и ударом каблука заставил замолчать динамик.

Присутствующие повернулись в его сторону, отложив нехитрые занятия.

– Слушайте меня внимательно! – обратился к ним Флинт. – Ответьте на один только вопрос: нужны ли нам деньги? – Собравшиеся несколько секунд недоуменно взирали на него, а потом несколько растерянно сообщили вразнобой, что да, мол, конечно, нужны.

– Очень хорошо! – продолжил Флинт. – Так вот – буквально пару минут назад капитан Хук заявил мне, что не нужны. Тут неподалеку, как может подтвердить наш уважаемый радио-метрист, – кивок в сторону Таблетки, – болтается старая космическая лоханка с ценным грузом.

Пираты немедленно оживились, радостно загомонив.

– Но капитан запретил мне преследовать добычу – по его словам, этого не разрешает наш хозяин. Вы слышите?! – Голос Флинта поднялся почти до крика. – НАШ! ХОЗЯИН! Разве, спрашиваю я вас, мы чьи-то рабы?

То, что у «Звездного черепа» есть некий владелец, догадывались многие, но сейчас, в этой обстановке начинавшегося бунта на корабле, подобное прозвучало великим откровением.

– Братья! – взревел Флинт. – Доколе мы будем терпеть?! Доколе, я спрашиваю? Мы, благородные пираты, покорно выполняем волю грязного денежного мешка! Капитан Хук, при всём к нему уважению, потерял присутствие духа, утратил связь с командой и понимание наших великих целей! Я счел своим долгом отстранить его от занимаемой должности.

И в этот момент в дверях появился сам капитан Хук. Увидев толпу, над которой воз-вышался вдохновенный Флинт, он на секунду замер на месте, но, преодолев испуг, твердым шагом направился к ним.

(Всё дело в том, что посланный в случае чего задержать капитана боец отличался редкой медлительностью, и, прежде чем он достиг капитанских апартаментов, Хук уже покинул каюту, совершая свой утренний моцион.)

Часть команды подалась назад, прикидывая пути возможного бегства, другие схватились за рукояти виброклинков и лучеметов, но большинство остались на месте, переводя взгляд со старого капитана на нового и обратно. А выскочивший буквально следом за Хуком Саад только бестолково хлопал глазами.

– Что тут происходит, э-э, разрази меня гром, джентльмены?! – произнес Хук, и голос его предательски дрогнул, сорвавшись.

– Кончилось ваше время, капитан! – рявкнул мгновенно пришедший в себя Флинт, успев мысленно проклясть нерасторопного Саада, и толкнул в плечо Такомбу.

Вздвигнув, кок сделал десяток шагов и протянул капитану что-то маленькое и черное.

– Вам, капитан, прислали черную метку! – словно извиняясь, произнес он.

И хлопнул по его ладони.

Но тут произошел конфуз: клочок пластбумаги приклеился к его руке. Кок повторил попытку, но тщетно. Он отчаянно затряс кистью, пытаясь стряхнуть бумажку. Шли минуты, а треклятая метка не отлипала.

Наконец сконфузившему Такомбе удалось стряхнуть бумажку в руку капитана.

На обратной стороне ее, на уже пожелтевшем слегка клочке, были отпечатаны три слова: «Продукт следует выбросить».

– Ты испортил свою поваренную книгу, – стараясь сохранять ровное выражение лица, произнес Хук, саркастически усмехаясь.

Но у него это плохо получилось. И все словно впервые увидели, что их капитан – капитан грозного корсара – всего лишь немолодой низкорослый толстяк с заметным брюшком, круглой физиономией и оттопыренными ушами, чем-то похожий на плюшевого медведя.

Уловив общее настроение. Флинт решил, что пора заканчивать комедию.

– Задниц, Поппер, вперед! – распорядился он. – Доставить... бывшего капитана в изолятор! Доберман, Боберман, заступить на охрану изолятора! Никого не впускать без меня, в разговоры с арестованным не вступать! Выпо-олнять!

Двое амбалов из абордажной команды подхватили

Хука под руки и потащили его по коридору туда, где в бывших салонах третьего класса была оборудована тюрьма.

Переворот закончился быстро и бескровно.

Императорский дворец, гостевое крыло

– Этого не может быть! Скажи, что это неправда... – выдавила наконец Милисента, когда прошло минуты две после того, как Аурелия замолчала. – Это ведь неправда?! Ну скажи, что ты молчишь!! – Милисента перешла было на крик, но тут же сорвала голос и закончила хриплым шепотом: – Ты ведь пошутила?

– Увы, ваше высочество! – печально произнесла заместитель коменданта. – Если бы это оказалось шуткой, то я бы первая была этому рада не меньше вас. И сами посудите: разве я бы посмела *так* шутить с *вами*?

– Что делать, Милисентушка, – вдруг всхлипнула Сара. – Такова, видать, судьба твоя. Уж и не знаю, что там было и чем особым ты прогневила свою матушку, а делать нечего. Переживи уж. Не голову, в конце-то концов, рубят...

– Когда? – спросила Милисента спустя еще минуту, и голос ее дрожал и хрипел, словно она сейчас разрыдается. Но глаза ее были сухи.

– Завтра, в это же время, – выдохнула Аурелия. – Сами знаете: все такие приговоры приводятся в исполнение ровно через сутки после их объявления. Прошу, ваше высочество, не винить меня – я лишь передаю вам волю...

– Знаю, – как-то преувеличенно спокойно бросила Милисента. – А теперь оставь меня. Оставьте меня все. Ты сказала, я выслушала.

Их ухода она почти не заметила. Может быть, от нее ждали истерики и слез, но глаза принцессы по-прежнему оставались сухими.

Слишком невероятным было то, что уготовила ей мать-императрица.

Услышанное ею было невозможно и немислимо. Но тем не менее реально и неизбежно. Это было. Приговор – позорный, неправильный, абсурдный, а главное – несправедливый – был вынесен и обжалованию не подлежал: некому было обжаловать.

Несправедливый!!! Вот что самое страшное. Потому что и позор, и чужие ошибки, как бы они ни были мучительны, пережить легче, чем несправедливость. В эти минуты больше всего на свете Милисенте хотелось быть виновной по-настоящему. Насколько было бы легче ей тогда!

«Мама, что же ты делаешь со мной?!»

Но как могла она?! Ведь она – ее мать?! Пусть даже дочь и в самом деле нарушила какие-то там царственные планы... (Да, вот легла бы под эту трансвеститскую мразь – и никаких проблем бы не было! Может, еще и удовольствие бы получила!)

Но вот так – не выслушав, даже не повидав, без всякого суда (да, здесь же не какая-нибудь там Земля!)...

И письмо, в котором она всё объяснила матери, осталось непрочитанным. Или, не известно, что хуже, ей просто не поверили.

И завтра, в эти часы, ее, как какую-нибудь воровку или дебоширку, устроившую пьяную драку в захолустном кабаке, разложат на скамье и... Нет, не надо думать, невозможно думать об этом – иначе можно сойти сума!

Не раздеваясь, только сбросив туфли, Милисента легла на койку. И хотя было как будто не до сна, но она тут же провалилась в густую мглу – всё-таки принцесса очень устала за этот день, словно кто-то выпил из нее все силы.

«Звездный череп». Каюта капитана. Несколько часов после свержения Хука

Флинт бесцеремонно закинул ноги на стол – как-никак теперь это была его каюта. Посмотрел на свет фужер с янтарной жидкостью, подмигнул своему отражению в зеркале на стене, мысленно чокаясь.

Он уже вполне освоился здесь. Барахло Хука уже два часа как безжалостно выкинуто за борт, включая и непонятно как оказавшийся у него специальный бухгалтерский микрокомпьютер и все двадцать томов «Краткой истории космического пиратства». И в самом деле – зачем Флинту читать про пиратов? Всё, что надо, про себя он и так знает!

Единственное, что сохранилось в неприкосновенности, – это содержимое бара. Похоже, прежний хозяин не слишком-то к нему прикладывался, хотя здесь были собраны лучшие напитки с захваченных кораблей.

Флинт сделал глоток, смакуя божественный вкус напитка – настоящий коньяк, хранящий аромат настоящей дубовой бочки. Не шутка! Не каждый президент может себе позволить пить столь благородный напиток.

Новый атаман «Звездного черепа» довольно усмехнулся.

То ли еще будет!

Сейчас в его руках громадные деньги, но это мелочь по сравнению с тем, что ему обломится, когда один очень богатый и хитрый тип на Икарии получит его послание, сопровождаемое отрывками кое-каких записей.

Хушински раскошелится! Хочет не хочет, а раскошелится! Не зря Флинт с помощью Таблетти соорудил ту схемку, что позволяла ему записывать якобы не поддающиеся расшифровке переговоры Хука с хозяином. Ох, как много там интересного! Появись это в Инфосети или кое в каких высоких кабинетах – и «Икарийскому крокодилу» – так обзывали босса желтые газеты конкурентов – не помогут ни его миллионы, ни связи, ни даже сам легендарный Энрико Прирезник!

Нет, этого стервеца он выдоит по полной программе!

А там уж – Флинт найдет полученным деньгам должное применение. На фронтире не так уж дорого обойдется приобрести пусть и не слишком уютную, но вполне пригодную для жизни планетку, набрать всякую голытьбу в качестве колонистов – и вот через пару лет он уже будет пожизненным президентом и безраздельным владыкой целого мира. А если удастся договориться с какой-нибудь заваливающей монархией, то и герцогом или князем. Князь Флинт! –

чем плохо звучит? А король Флинт?! Нет, лучше остановимся на князе – нужно быть скромнее и не зарываться.

Но для начала нужно отловить мусорщиков. Ха! Амазонки встретят в назначенном месте «Искатель» с грузом, только хозяин у него будет уже другой! Он бы мог даже попытаться захватить сурминий, не отдав им этого типа, которому предстоит обслуживать ту богатенькую кобылку!

Но на кой, спрашивается, черт ему подобный красавчик? У него, слава всем космическим богам и демонам, с ориентацией всё нормально. Будущему князю Флинту хватит и Китти Кэт.

Район 26732-23726-УУ. Час спутя. «Искатель»

Это случилось, как назло, именно тогда, когда Сун Дук переводил корабль на ручное управление, при этом заблокировав компьютерный мониторинг пространства.

Когда показания радара вновь были выведены на вспомогательный курсовой экран, неизвестный корабль уже успел заметно приблизиться.

Выход его из подпространства они прозевали, и теперь он шел явно в направлении «Искателя».

История, скорее всего, пошла бы совсем по другому руслу, если бы Ким поддался первому побуждению. А именно: рвануть без раздумья на полной скорости и «прыгнуть» куда глаза глядят, только бы подальше от подозрительного судна.

Но он подавил приступ неуместной, по его мнению, и недостойной бывалого космопроходца паники и вызвал в рубку Залазни.

Вызванный капитан колебался – пусть и недолго, – что ему делать?

Это и определило их судьбу.

Когда, решив, что не нужно искушать эту капризную даму, он начал разгоняться, преследователь (теперь это было очевидно) ответил мгновенной вспышкой тахионных двигателей, выходя на классическую позицию пересечения курса.

Тишину в рубке нарушил сигнал вызова: преследователь хотел с ними переговорить.

С непонятной и явно бессмысленной надеждой – а вдруг это какое-то недоразумение? – Никкербоккер нажал клавишу приемника.

В динамике прозвучала фраза на интергала с сильным акцентом:

– Эй, на корабле, не знаю, как вас там! Вы меня слышите? Приказываю отключить двигатели и открыть стыковочный шлюз. Приготовиться к сдаче корабля абордажной команде. В противном случае открываю огонь на поражение! Если жизнь дорога – не вздумайте делать глупости!

И в этот миг неизвестный корсар приблизился настолько, что электронный телескоп смог наконец рассмотреть его в подробностях, и из неопределенного пятна на экране сложился странный силуэт, который, однако, был уже хорошо знаком в этой части космоса, да и за ее пределами.

– Это «Звездный череп»! – взвизгнул от ужаса вахтенный.

«Звездный череп»

...Гулко топоча башмаками по металлическому полу транспортного коридора, абордажная команда мчалась к одному из шлюзов, где стоял легкий открытый космолет – прогулочный модуль, снятый со всё того же «Павлина» и ныне переименованный в штурмовой скутер «Леопард».

Впереди, как и положено командиру, находился Шарль Поппер. Сразу позади него скакал наподобие кенгуру (что выдавало в нем опытного бойца, привыкшего к работе в условиях малой гравитации) Ромуальд фон Задниц.

Следом тяжело переваливался Пыннис Саад – уроженец знаменитой своими первобытными нравами планеты Таллинн. В такт его шагам подрагивали продетые в ноздри кольца – даже сейчас он не желал отказываться от дикарской привычки, которую называл непонятым словом – пирсинг. Чуть позади него шустро семенили двое неразлучных друзей – ребята из Иерусалимского союза – Сеня Доберман и Веня Боберман.

В затылок им дышали четверо чернокожих корсаров, цвета от кофе с молоком до антрацита, среди которых своими размерами и мощью выделялся бывший циркач Маконда – для него с трудом нашелся скафандр.

В руке он сжимал огромную дубину эбонитового дерева¹ [Эбонитовое дерево – твердое дерево черного цвета, предки которого были вывезены когда-то со Старой Земли и распространились по многим планетам. В глубокой древности из него делался эбонит – вещество непонятого назначения, название которого сохранилось в некоторых ругательствах языков русского корня], один вид которой ввергал экипажи захваченных кораблей в панический ужас.

Замыкали команду два уроженца американских миров – Попп Хорн и Энкл Венс. Все заранее делали зверские лица, все (кроме Маконды) были с ног до головы увешаны оружием, половина из которого, впрочем, не действовала.

Считанные минуты оставались до того, как пираты окажутся на борту жалкого космического мусорщика.

– Они выводят скутер, – как бы между прочим сообщил боцман. – Минут через двадцать-тридцать будут здесь...

Здесь?!

Говорят, загнанная в угол крыса бросается на льва.

С Залазни произошло именно это. Правда, его положение облегчалось тем, что ему не нужно было бросаться на «Звездный череп», а совсем наоборот.

Но принцип был тот же самый.

Страх и ужас, помноженные на неслыханные душевные муки при мысли о потерянном богатстве, сделали и его, и его людей, и без того, к слову, не самых трусливых, настоящими отважными героями.

Кроме того, свою роль сыграли и кое-какие сюрпризы, которые нес в своем трюме «Искатель» – бывший спасательный бриг.

Как ошпаренный, кинулся Залазни к пультам и принялся ожесточенно давить на переключатели и выкрикивать команды бортовому компьютеру. Без слов поняв, что хочет сделать капитан, к нему присоединился штурман.

И через неуловимое мгновение вахтенные «Звездного черепа» оторопело созерцали межзвездную пустоту на месте без пяти минут трофея. Лишь бледное полотнище ионизированного вакуума на краткий миг обозначило место гиперперехода – и всё.

Приборы наблюдения пиратов зафиксировали появление «Искателя» уже в ста миллионах километров, но последовать за ним «Звездный череп» не мог.

Ибо «прыжок с места» – так называют старт без подготовки – тем и отличается, что неизвестно, куда выбросят тебя Фортуна и неведомые боги подпространства.

Оставалось лишь попытаться догнать жертву обычным путем.

По кораблю раздался топот разбегающихся по боевым постам и вахтам корсаров, грозный рык команд...

Завыли кварково-глюонные турбины – главная и неотъемлемая часть тахионных моторов, заквакали ресиверы – и пират сорвался с места, ринувшись следом за «Искателем», еле успев принять обратно на борт абордажников.

Но догнать кораблик Залазни оказалось не так-то просто. Жадность и страх подгоняли пилотов и механиков, и они выжимали из бывшего спасателя всё, что только можно.

Когда на пределе мощности пират приблизился почти на дистанцию залпа, «Искатель» резко затормозил, хотя это и было достаточно болезненно для экипажа, но благодаря гравикомпенсаторам и небольшой массе в общем всё пережили без потерь. Зато «Звездный череп» так быстро остановиться не сумел, и его пронесло чуть ли не два световых дня, прежде чем тяжелый фрегат погасил скорость и вернулся назад. А за это время «Искатель» спрятался в газопылевой туманности, которую «Череп» прошел вдоль и поперек три раза, прежде чем на пределе чувствительности сенсоров засек уматывающий со всех движков «Искатель».

Вновь бросок с места – аж на миллиард километров – любой линкор может позавидовать! Вновь отчаянные лавирования в пустоте. «Только бы не начали барахлить основные приборы навигационного комплекса!» – молил про себя Залазни. Ибо стоило полететь им – и пиши пропало. Ведь для прыжка – настоящего дальнего прыжка – необходимо правильное соотношение индивидуальной и объективной скорости, относительного и абсолютного времени, разгонного момента... Одним словом, всего того, что является неотъемлемым проявлением сверхсветового движения в обычном пространстве.

Один раз корсар подошел совсем близко, но вновь отчаянный и искусный маневр спас положение, и «Звездный череп» прошел в каких-то десяти тысячах километров слева по борту, даже не успев пугнуть их бортовой артиллерией.

Вновь и вновь они ускользали, шаг за шагом приближаясь к моменту, когда можно будет разогнаться до скорости, позволяющей уйти в настоящий гиперпрыжок и надежно оторваться от пирата.

Уже дважды «Искатель» едва не вышел на разгонную прямую, но всякий раз Флинтудавалось вынудить беглецов уйти с курса.

Время от времени переборки и все сочленения корабля начинали угрожающе поскрипывать, накатывала тяжесть...

«Если полетят гравикомпенсаторы, мы все превратимся в фарш! – с тоской подумал Залазни. – По переборкам размажет! Тонким слоем...»

– Святой и праведный Николай Морской, Воздушный и Космический – спаси и помилуй нас! – жалобно забормотал Никкербоккер, рывком аварийного регулятора погасив спонтанную пульсацию в обмотке гипергенератора: прыжки с места бесследно не проходят: три-четыре от силы, и движок безнадежно ломается.

– Святой Константин Превозвестник, Святой Сергей-Искусник, Святой Юрий Первопроходец, Святой Нейл Лунный, Святой Абдулла Звездоплаватель, защитите нас сирых!! – в тон ему продолжил Турин, поминая самых знаменитых покровителей космонавтов (согласно святым Вселенской Космической Киево-Стамбульско-Римской церкви).

Вначале Залазни не понял, о чем кричит ему Ольгерд, ворвавшийся в рубку. А когда понял – разъярился.

– Шлюпку?! Как-кую тебе еще шлюпку!! – прорычал он. – Куда ты на ней думаешь улететь??

– Да нет! – подпрыгнул на месте Ольмер. – Выбросим им ту тюремную шлюпку – может, отвлекутся?

– Может, еще тебя им бросить? – фыркнул капитан, но тут же махнул рукой. – Черт с тобой – кинем. Хуже не будет...

Никогда еще так быстро не выполняли матросы «Искателя» команды.

Почти мгновенно воткнулись разъемы шлангов и кабелей в гнезда технического люка, до упора открыли вентиль подачи энергана, тумблер зарядного устройства был повернут на предельную мощность, а на место снятых блоков связи и навигации штатный инженер, как по волшебству, за какие-то пять минут припаял новые – и схема заработала.

Ровно через десять с небольшим минут шлюпка выскочила из шлюза и помчалась прочь, выписывая кренделя, повинуюсь вложенной в бортовой навигатор программе.

Флинт всё более свирепел.

Это был первый случай, когда кто-то осмелился не подчиниться им. Слава корсара была столь грозной, что не только всякий мирный торговец, получив приказ, торопливо ложился в дрейф и покорно открывал люки штурмовикам. Нет, трижды полицейские катера при его появлении немедленно бежали куда глаза глядят, а однажды, в ответ на панический СОС транспорта, пришел ответ от оказавшегося неподалеку патрульного корвета, что у него внезапно обнаружили неполадки в двигателе.

А тут какой-то космический мусорщик! Ну, он им покажет!!

...От «Искателя» отделилась крошечная точка и понеслась куда-то в сторону, оставляя на экране едва видимый плазменный след. Затем вдруг двигатель ее отключился, и она продолжила полет по пологой параболе.

– Кажись, струсил, – хмыкнул боцман Джойс. – А ну, ребята, быстро за ней – посмотрим, что внутри!

На поимку суденышка ушло семь драгоценных минут.

Втянув шлюпку внутрь и убедившись, что она пуста (швартовый шлюз при этом слышал отборную брань из десятка глоток на трех языках), они продолжили охоту.

Но через четверть часа капитан Флинт услышал тревожный возглас оператора-электронщика:

– Шеф! За нами, кажется, погоня!

5. Интриги и бои

Темескира. Деловой квартал

Один из лучших адвокатов Амазонии и один из немногих мужчин в этой профессии – Етем Шифф нервничал, хотя и старался не показывать виду.

И неудивительно: совет, за которым к нему обратилась посетительница (равно как и она сама), не могли не вызывать у него недвусмысленных опасений.

Когда на его сайт пришло послание, подписанное некоей баронессой Врангель и сообщающее, что требуется его консультация как знатока династического права, он предполагал, что речь пойдет о споре за титул между сестрами – самое большое.

Если бы он догадывался о подлинной сути «консультации», то заявил бы, что болен, или немедленно взял билет до Океании.

Но было поздно – он вовремя не узнал эту даму и – вот уж что совсем непростительно – не понял задаваемых ею вопросов.

И теперь, похоже, вляпался по уши в придворную интригу самого нехорошего пошиба.

– Итак, всё-таки хотелось бы уточнить, мэтр, – повторила Элеонора де Орсини.

Наслаждаясь ситуацией, она развалилась в кресле перед явно чувствующим себя не в своей тарелке адвокатом и небрежно покачивала ногой (надо отметить – довольно длинной и красивой), соблазнительно выглядывающей из-под мини-юбки старинного фасона.

– Если принцесса Милисента перестанет быть наследницей, что произойдет?

– Полагаю, императрица еще вполне в состоянии решить эту проблему, – уклончиво ответил Шифф. – Кхе, без посторонней помощи... То есть не совсем без посторонней, так сказать...

– Да, безусловно, – кивнула, внутренне поморщившись, княгиня.

(«Крутит хвостом мужчинка: и меня опасается, и в политике замараться неохота!»)

– Но пока что другой дочери у нашей монархини нет, и, чтобы она появилась, при самых благоприятных условиях потребуются не менее девяти месяцев. А «Кодекс» гласит, что империя не может пребывать без наследницы ни одного дня.

Несколько секунд адвокат раздумывал.

– «Кодекс Александры» устанавливает, что при отсутствии наследниц по прямой наследницей назначается старшая из женщин царствующего рода.

– То есть будет назначен кто-то из племянниц правящей императрицы?

– Ээ, мм... Да, очевидно, так.

– А скажите, уважаемый, кто именно?

...Из конторы под сияющей вывеской-голограммой «Етем Шифф и супруга» Элеонора вышла вполне довольной: подтвердилось всё, что она и предполагала.

Дело пахло ха-ррошеньким династическим кризисом!

У императрицы было две сестры, давно покойные, однако успевшие до ухода в лучший мир обзавестись потомством женского пола.

По закону наследницей (если таковой переставала быть Милисента) должна стать старшая из племянниц Ипполиты.

Вот именно – *старшая*. Древний династический закон не уточнял – что понимать под этим. Обычно таких вопросов не возникало.

Но на этот раз произошла незадача, путающая все династические карты, – *в случае чего*. Младшая сестра обзавелась дочерью раньше, чем средняя.

Принцесса Мариелена – младшая из сестер, любившая развлечения во всех их видах, обзавелась гаремом чуть ли не в четырнадцать лет, доведя перед этим императрицу-мать до белого каления своими похождениями.

Впрочем, некоторая пылкость нравов у нынешней династии в крови.

«Пожалуй, – подумала вдруг де Орсини, – в этом смысле Ипполита среди всех дочерей предыдущей императрицы была самой благопристойной девицей. Хоть какие-то достоинства у нее имеются по крайней мере». Итак, принцесса Жасмин или принцесса Анна? Старшая по возрасту или старшая по династической иерархии?

Старшая по возрасту – Жасмин. Но мать Анны, принцесса Илона, была старше матери Жасмин. Так кто же из девиц имеет больше прав на трон?

Да, тут есть о чем поспорить. Какие схватки будут кипеть в Государственном совете! Как все передерутся! Какими непримиримыми врагами станут вчерашние союзники! И какие выгоды извлечет из всего этого она и ее партия!

Премьер-министр де Орсини – чем плохо звучит? Ипполита XII, конечно, будет вне себя... Но...

А кто, собственно, сказал, что императрицу к тому времени будут звать Ипполитой?

«Держись, правительница! – радостно потерла руки Элеонора. – Тебе предстоят нехорошие времена!»

Но сначала надо урегулировать все вопросы с Милисентой, вернее, с ее побегом.

Она поможет – ха-ха-ха, поможет этой глупой и безмозглой твари – не напрямую, конечно. Неизвестные друзья сообщают принцессе, что яхта готова к полету, что они готовы предоставить ей возможность пересидеть самое тяжелое время в своих поместьях – одним словом, всё, что нужно, чтобы запудрить мозги Ипполитиному отродью.

Если она хоть немного понимает Милисенту, та воспользуется подобной возможностью.

Не сможет не воспользоваться – с ее-то болезненным (вся в мать!) самолюбием и гордыней. Ее, конечно, перехватят, но какой будет скандал! Какой удар по этой гордычке! Какой удар по ее мамаше Ипполите, воображающей себя истинной царицей! Нет, конечно, к ней, Элеоноре, тоже возникнут вопросы... Но кто во всей начавшейся катавасии осмелится обвинить ее? Наоборот, она выразит сочувствие девочке, ставшей жертвой властолюбия и грубости собственной матери! О, как будет она оплакивать это драматическое происшествие!

Элеонора недобро рассмеялась. Потом, когда девку отрешат от наследования, можно будет использовать и это, мол, из-за несдержанности и жестокости Ипполиты была безнадежно скомпрометирована та, которая могла бы стать неплохой монархиней...

Она, Элеонора де Орсини, будет на коне, что бы ни случилось!

Нейтральный космос, 173726683-8228-ЦУ. «Звездный череп»

... Старший канонир «Звездного черепа» Федор Бодун, часто перебирая короткими ножками, летел по скупо освещенному коридору к кормовой артиллерийской гондоле – единственной настоящей огневой точке (имеющей полное право так называться) разбойничьего корабля.

Бодуну было страшно и неудобно. Тем более что ему никогда не приходилось вести боевую стрельбу – все жертвы предпочитали сдаваться сразу при появлении пирата, настолько ужасную славу приобрел «Звездный череп».

Бывший старший баталер флота Федерации Великого и Малого Новгорода, бежавший с эсминца «Боярин Кучка», прихвативши судовую кассу, проклял в очередной раз день и час, когда соблазнился предложением двух невыразительных типов, подцепивших его в баре на Горгоне.

Но у Федора к тому времени не осталось ни одного кредита (равно как рубля, талера, фунта, тугрика, песо и даже, на худой конец, доллара). Что ему еще оставалось? Разве только

пойти мыть туалеты в космопорту или вообще наняться в батраки к окрестным фермерам за миску томатной похлебки и стакан самогона из помидоров (помидоры были главной сельскохозяйственной и экспортной культурой Горгоны).

Всё содержимое вышеупомянутой кассы (правду сказать, довольно скромное) было давным-давно проедено им и проиграно в «русскую рулетку».

Они, признав каким-то шестым или двенадцатым чувством в нем, во-первых, бывшего военного, во-вторых, человека не в ладах с законом, подсади к нему за столик, где он, толком не евший уже пять дней, пил жидкое пиво, заедая его дешевыми сухариками, заказали бутылку водки и жареного трапидавруса с гарниром... И уже через полчаса размякший Федор Бодун выложил им почти всю свою историю.

Они сочувственно поохали, похлопали его по плечу, а затем, узнав, что по его второй флотской профессии он был комендор орудий среднего калибра (в новгородском флоте, по бедности вечно страдающем нехваткой личного состава, каждый должен был освоить еще как минимум одну специальность), предложили ему работу на частном (как говорили эти типы) судне.

Федор был убежден, что речь идет, самое большее, о контрабанде.

А когда понял, в чем тут дело, было уже поздно.

Соображения морального свойства его не смущали. Но с самого начала частенько в его душе начинал шевелиться нехороший, липкий страх.

И ни ежемесячно увеличивающийся счет, ни шикарные красотки, в объятиях которых он старательно наверстывал упущенное за время жизни с опостылевшей женой, его не утешали.

...Входная диафрагма гондолы при его приближении услужливо распахнулась, и он вбежал внутрь полутемного цилиндра, уставленного аппаратурой.

Устроившись в кресле и положив руки на джойстик артиллерийского пульта, Бодун отдышался, при этом машинально оглядывая и проверяя пульт управления огнем, над которым возвышался похожий на непрозрачный аквариум артиллерийский биокомпьютер неосингапурского производства, собранный на мозгах тамошних трансгенных лягушек и потому носивший у пиратов прозвище «Жаба».

На его панели возле загрузочного устройства горел предупреждающий желтый транспарант.

«Опять вахтенный, стервец, не кормил зверушку!» – печально пробурчал про себя Бодун, вскакивая и вытаскивая из холодильника емкость с питательным бульоном.

– Сейчас, сейчас я тебя покормлю, жабочка ты моя, – забормотал он ласково, – сейчас. – Поставив банку из запотевшей жести в старую микроволновку, он включил печь. Как это ни покажется странным, но Бодун был очень привязан к «зверушке», подобно тому, как старая дева привязывается к любимой болонке или коту.

Пока корм для компьютера согревался, Бодун принялся проверять артиллерию, хотя давным-давно успел великолепно изучить ее.

Четыре импульсных излучателя «Перун» кремлевского производства, с фокусирующей приставкой (то есть способные наводиться синхронно в одну точку) и дальнобойный скорострельный инфракрасный лазер повышенной мощности. Был еще древний протонный излучатель класса «Бронтозавр», снятый неизвестно с какой старой посуды. Но это допотопное, хотя и еще грозное оружие неожиданно отказало при втором испытательном выстреле. Как выяснилось, сгорели оба дросселя и начисто испарился разрядный вентиль.

Теперь он болтался на внешней подвеске лишь как украшение.

Все орудия смотрели назад. Данное расположение артиллерии являлось воплощением ставшей модной в самых продвинутых военных кругах концепции «боя на отходе». То есть, проще говоря, способа воевать, заключающегося в том, что при встрече с противником следует

немедленно развернуться и удирать от него со всей мочи, отстреливаясь из всех стволов в надежде, что тот не станет связываться с нервным психом.

...Вообще Бодун считал себя (и не без основания) неудачником. Служба его, которую он начинал с мечтой об офицерских погонах, ничего не дала ему, кроме жалкой должности завхоза на второразрядном корабле (ну, у вольного Новгорода, правду сказать, перворазрядных-то было раз-два и обчелся). К без малого сорока годам он дослужился всего лишь, смех сказать, до боцманмата¹ [В «Самой полной всегалактической лингвистической энциклопедии» профессора Ингмара Шорни указано, что боцманмат – это профессиональный жаргон младшего комсостава на ряде космических флотов. Спешим поправить уважаемого ученого – это всего лишь не очень высокое воинское звание.]

Бесконечные тревоги, когда нужно вскакивать с теплой постели и то неделями болтаться в космосе, имитируя аварию (и питаясь скудным резервным пайком), то гоняться за ушкуйниками – а те дураки их ждать – торчать на забытых богом колониях – все новгородские колонии были неудобными для жизни планетами, где ни хороших девочек, ни выпивки. Многие его сверстники водили корабли в дальний космос или стали хозяевами собственного дела. Неудачная женитьба – супруга, из симпатичной стройной учительницы физкультуры превратившаяся в страшную разбухшую толстуху, вынужденную пойти торговать пивом в ларек, скандальную и визгливую. Единственным утешением были походы в кабаки и развлечения со шлюхами не из самых дорогих.

Вот в одном из таких кабаков ему и пришла в голову роковая мысль, которая и привела его сюда, в артпост корсара.

В тот вечер он сидел в замызганном баре на планете Посад (жуткой дыре даже на фоне прочих владений федерации), хлебал какое-то пойло, выдаваемое местным хозяином за натуральную медовуху, и сквозь синюю пелену табачного дыма созерцал обшарпанные стены из местной псевдососны и двух толстых проституток, мающихся у стойки в ожидании того, что им предложат выпить.

И вдруг с отчетливой, подступившей к горлу тоской он понял, что такова будет вся его дальнейшая жизнь – такая же тусклая и замызганная, как это заведение и эти девицы. И в конце ему не светит ничего, кроме как грошовая пенсия и участок земли на одной из неосвоенных планет, где единственным доступным развлечением будет охота на одичавших овец и кошек.

И тогда решился на кражу и побег...

– Эй, там, артиллерия! Скоро будете стрелять?! – прохрипел динамик боевой связи. Федор сморщился.

– А вы сначала получше следите за компьютером, а потом гавкайте! – зло ответил он. – Вам бы только в карты дуться, а животное хоть с голоду подыхай!

Биокомпьютеры, несмотря на то, что появились уже давно, особо широкого распространения не получили.

Были они довольно капризны, непросты в эксплуатации и требовали, кроме подключения к водопроводу и канализации (с какой яростью воспринимали звездоплаватели старины эту казавшуюся им дико кощунственной мысль – провести канализацию в святая святых корабля – рубку), еще и специальных кормов.

Не так давно прошедшая эпидемия вируса «Царевна-лягушка», добавленного каким-то шутником в питательную смесь и вызывающую у искусственных мозгов стойкое умственное расстройство, сопровождающееся непреодолимым желанием выйти замуж за царевича, тоже не увеличила их популярность.

Но тем не менее эти живые машины отличались одним важным качеством.

Пусть они не могли сравниться со всякими электронными и позитронными мозгами в скорости расчетов (для этого к ним прилагались обычные компьютеры). Но зато биологиче-

ские мозги сохраняли все инстинкты живого существа, включая инстинкты самосохранения, и обладали интуицией, позволявшей безошибочно выбрать самый выгодный вариант действий.

Правда, компьютер «Звездного черепа» хандрил, и хандрил уже давно.

С тех самых пор, как старший офицер из экономии приказал давать «Жабе» специальный корм только в критических ситуациях (мотивируя это ограниченностью запасов). В остальное время биомашине скармливали смесь для домашних ящериц и черепашек.

И хотя для стрельбы было бы достаточно обычных баллистических вычислителей, но говорить это товарищам старший канонир не собирался – ничего за пять-шесть минут не случится. Не будет он угождать этим болванам, не знающим толк в настоящей службе и лениющимся во время позаботиться о живом существе! Дудки! Пусть помучаются немного...

Корабль-охотник Космопола «Пассат»

...Александр Романович Михайлов, тридцать лет, два высших образования, без вредных привычек, рост шесть футов два дюйма (или 186 сантиметров, если пользоваться принятыми у него на родине мерами длины), старший инспектор Космопола и командир малого охотника «Пассат», не отрывал взгляд от курсового экрана.

«Пассат» мчался вперед, неумолимо нагоняя противника, в котором теперь уже безошибочно угадывался «Звездный череп». Самый удачливый, самый неуловимый, самый загадочный космический корсар за прошедшие двести лет во всей известной людям Вселенной.

Совсем скоро легкий охотник флота Космопола приблизится к нему настолько, чтобы противник оказался в зоне досягаемости его носовых пушек.

Два месяца назад корабль Михайлова отправился на поиски таинственного космического разбойника, терроризирующего мирных торговцев и нагло пиратствующего в самых оживленных районах космоса, не боясь ни полицейских сил, ни даже армейских патрулей.

И вот совершенно неожиданно «Пассат» натолкнулся на него, услышав сигнал бедствия и поспешив на помощь.

Встреча и в самом деле была неожиданной: собственно, коллегия Космопола послала их сюда скорее на разведку, нежели на настоящую охоту.

«Звездный череп» успел прославиться далеко за пределами региона, несмотря на небольшой срок своей деятельности, и требовалось выяснить, что тут происходит, так сказать, на месте.

Больше всего удивляла шефов Михайлова эта необыкновенная наглость, соединенная со столь же необыкновенной удачливостью.

Ведь даже ичкерийцы – с их-то репутацией – и то давным-давно почти забросили пиратство... Последним из знаменитых «флибустьеров звездных дорог» (был когда-то такой фильм, по которому сделали компьютерную игру) являлся уроженец Иерусалимского союза Изекииль бар Бос, оказавшийся на скамье подсудимых лет сто пятьдесят назад.

И вот – словно вернулись забытые времена Второй Волны Освоения и Разделенного Человечества...

Да, конечно, пиратство никогда полностью не исчезало.

Время от времени там, где вспыхивали войны, в разоренных сражениями областях, древнее ремесло оживало: скапливалось много всякого сброда из числа дезертиров, безработных наемников и тому подобных.

Были и ставшие притчей во языцех новгородские ушкуйники, и хищные маорийцы, которых даже обвиняли в людоедстве, и вышедшие в космос триады Свободного Тайваньского Единства, и мало чем уступавшие им малайские космические разбойники.

Но обычно корсары ограничивались в основном тем, что ловили космических дальнобойщиков на второстепенных ответвлениях трасс и потрошили лайнеры на малоосвоенных маршрутах для любителей экзотического туризма.

Уж совсем запредельным верхом наглости было вломиться на полном ходу в какую-нибудь захолустную систему, где заведомо нет ни одного боевого корабля

После этого наскоро взять на бордаж пару барж или бригов, продефилировать на низкой орбите над столицей (и то, если там не имеется планетарных перехватчиков), разбрасывая стратосферные камуфлеты и поджигая импульсными излучателями полярные сияния, – и бежать прочь со всех ног.

И то о подобных рейдах потом говорили годами.

Время от времени – весьма редко – кто-то, совсем уж зарвавшись, начинал охоту в давно освоенных районах. Но обычно это становилось концом их карьеры.

Кроме того, главный принцип космических пиратов во все века был неизменен – «Два У», по их собственной терминологии: урвал и удрал. После каждого удачного рейда они месяцами отлеживались на своих тайных базах или проматывали добычу в кабаках планет, не отличающихся законностью и правопорядком, прежде чем решались снова выйти на промысел.

Эти же как будто не боялись ничего и совершали иногда по два нападения в неделю (причем вблизи весьма развитых миров!).

– Кэп, а как мы будем брать его на бордаж? – спросил стоявший рядом старпом, нарушив размышления командира. – На нем, кажется, с полсотни головорезов, а у нас – пятнадцать человек, из которых в боевой группе только семеро?

– Во-первых, не полсотни, а тридцать семь – прессу читать надо, – ответил Михайлов. – А во-вторых, дружище, с чего ты решил, что мы будем брать его на бордаж? О чем ты говоришь? Пара хороших попаданий, и он лишится хода. Затем мы кокнем снарядами его гипер и вызовем помощь.

Разговор начальника и подчиненного оборвала взвизгнувшая сирена.

«Выход на дистанцию открытия огня, – загорелась надпись прямо поверх картинки преследуемого пирата. – Готовность – 40 секунд».

Внезапно изображение на боковом экране, транслируемое в инфракрасном свете, заискрилось несколькими яркими точками.

– Обстреливают из инфракрасного лазера! – сообщил инженер систем безопасности Клайд Льюис.

«Попаданий не зафиксировано».

«Ну, это ненадолго», – подумал Михайлов, поворачивая рукоять регулятора мощности поля до девяти десятых максимума.

Он сделал это вовремя.

Вновь ударили невидимые лучи лазеров, но на этот раз их дополнил яркий пунктир импульсной очереди.

Накрытие!!!

Дико заверещала сирена.

– Говорит Алена, – прозвучало в динамике. – Броня без изменений, повреждений нет, падение поля – 0,01 плотности, потери восстановлены.

...Треклятый космополовец не отставал. Лазерные лучи по-прежнему ничего не могли поделаться с зеркальной броней. Оставалась слабая надежда, что, когда он подойдет ближе, в ход можно будет пустить импульсные орудия, хотя еще неизвестно: помогут ли они против силовой защиты.

Имелось еще последнее средство – новейший двигатель, изобретенный в одной из лабораторий Хушински и еще толком не испытанный и не доведенный до ума. Но его было прика-

зано использовать лишь в самом крайнем случае – если другого способа спастись от преследователей не будет...

– Алена, как там с огневым контактом с нашей стороны? – спросил Ллойд, старший офицер «Пассата», сидящий в кресле второго пилота, слева от Михайлова.

– Дистанция – 0,9 предельной, орудия готовы к стрельбе девяносто секунд назад. Точнее, девяносто семь.

– Тогда пальнем по ним разок.

«Звездный череп» словно врезался на ходу в некое препятствие.

И сразу же на плечи всех, кто был на его борту, навалилась тяжесть.

Да не та, хорошо знакомая, а какая-то непонятная, не притягивающая ноги к палубе, а толкнувшая всех назад, как будто каждый из них получил удар невидимым мягким мешком.

Кто-то растянулся на полу, кто-то впелся всем телом в переборки, попадали незакрепленные предметы. Крики, проклятия, многоэтажный мат...

Гравитационные пушки противника показали, на что способны.

– Отрываемся!! – завопил не своим голосом Флинт, срывая ограничитель ускорения.

Они оторвались, но лишь ненадолго. Только-только удалось выйти за пределы дальности полицейских пушек. Еще дважды пиратов настигали выстрелы, но сила их уже ослабла настолько, что ее смогли погасить компенсаторы «Звездного черепа».

И в этот момент транспарант на биокомпьютере из желтого стал зеленым – это означало, что биомозг усвоил пищу.

– Наконец-то! – просиял Федор.

Торопливо он ввел в память «Жабы» граничные параметры ситуации.

На экране незамедлительно возник ответ: «Рекомендуется как можно скорее бежать от противника, максимально увеличив скорость хода».

Та же самая надпись была передана в центральный пост и командирскую рубку, что вызвало новый поток брани со стороны присутствующих там.

– Твой компьютер пора отправить на помойку! – зло выкрикнул кто-то.

– А не надо было давать ему корм для ящериц! – Бодун еле удержался, чтобы не плюнуть в микрофон.

«Немедленно остановить или уничтожить преследующий объект», – набил он на клавиатуре.

Спустя пару секунд компьютер послушно выполнил команду, и в силуэт «Пассата» вонзились импульсные трассы. С тем же эффектом, что и прежде.

«Команда не выполнена, встречено препятствие», – забубнил компьютер.

– Идиот лягушачий!! – рявкнул кто-то в рубке.

– О-о, – разрешите, капитан, – я сварю из этого безмозглого земноводного суп! – простонал Лангетти, зверски закатывая глаза.

– Ох, болван я, болван! – хлопнул вдруг себя по лбу Флинт. – Не он идиот лягушачий, а я! Как я это мог забыть?! Ну, сейчас мы этого наглеца сделаем!

И пояснил недоуменно взиравшим на него сотоварищам:

– У нас же в трюме нуль-торпеды!

Темескира, императорские покои

Личный интерком императрицы ожил, когда она уже собиралась покинуть кабинет. Включив его, она с удивлением узрела физиономию своего давешнего поставщика. Но как изменилась эта физиономия! Можно было подумать, что к мужичку вот-вот явится палач с подписанным смертным приговором или же налоговый инспектор.

– Что у вас там стряслось? – встревоженно задала она вопрос, даже слегка испугавшись: неужели что-то случилось с ее красавчиком (она уже так свыклась с мыслью о нем, что машинально назвала его своим).

– Ва... ваше великолепие... Я не осмелился бы... Но крайняя нужда...

– Да говори короче, болван! – не сдержалась Ипполита XII. – Тебе что, сурминия мало показалось? Так я могу накинуть чуток.

Взяв себя в руки, Залазни объяснил ей в нескольких словах свои затруднения.

– Сколько еще продержишься? – спокойно и четко, словно на маневрах, спросила его владычица Амазонок. – Часа два хотя бы сможешь?

Капитан «Искателя» жалобно закивал. Как ни удивительно, о возможности позвать на помощь амазонский флот он додумался всего лишь несколько минут назад, да и то при подсказке Никкербоккера. Впрочем, страх и не то делает с людьми... К этому моменту они почти совершенно потеряли надежду на спасение.

Ольмер всё хныкал, что ему не перед кем исповедаться.

Турин перебрал уже не по одному разу всех официальных святых, включая таких малоизвестных, как Лоис-Прародительница, и перешел на неканонизированных, но упоминавшихся в древних апокрифах личностей, вроде преподобного Муаддиба Песчаного и Леонида Юпитерианского.

Сун Дук принес из своей каюты икону древнего богатыря Ли Си Цына – святого, весьма почитаемого в корёских, кхитайских, вьетских мирах и даже кое-где почему-то в славянских – как заступника слабых и угнетенных, и истово бил перед ней поклоны¹ [Что интересно, у нихонцев и аммериканцев под этим именем значится некий демон войны, способный в одиночку уничтожать целые эскадры. Данное обстоятельство наводит на определенные мысли, но в данном произведении нет смысла обсуждать вопросы сравнительной теологии.]

Возможно, будь на корабле изображение Люцифера, ему бы тоже поставили кочергу (знать бы еще, что такое кочерга), если верить древней мудрости, это иногда помогало.

– Хорошо, жди.

Отключившись, Ипполита немедленно набрала номер командующего западным флотом (и своей невестки) герцогини де Альбы.

– Адмирал, какие у нас корабли в секторе ЛС-123? – осведомилась императрица, не тратя времени на приветствия и обмен любезностями.

Герцогиня Альба на несколько секунд углубилась в созерцание карты.

– Как обычно, передовой дозор: эсминцы «Лиса» и «Ласка». А почему, осмелюсь...

– Так вот, – решительно оборвав невестку взмахом руки, продолжила Ипполита. – Пусть немедленно снимаются с якоря и идут курсом 345—678, ориентируясь по сигналу бедствия. Дело государственной важности. Встреченный корабль сопроводить до Амазонии. Об исполнении доложить. Всё.

«Звездный череп», через тридцать пять минут

С кряхтением и руганью пираты волокли по коридору, как муравьи дохлую гусеницу, последний – четырнадцатый по счету – контейнер с нуль-торпедой.

Вот они втаскивают его в шлюз, и тут сразу два человека потеряли равновесие, и контейнер, вырвавшись из рук, с грохотом рухнул на палубу. Flint инстинктивно зажмурился, хотя, конечно, от удара содержимое взорваться не могло. Воздух сотрясла матерная брань – железяка кому-то придавила ногу.

После того как контейнер был подтащен прямо к воротам, за которыми начинался космос, и вскрыт, команда «Звездного черепа» принялась втыкать разъемы бортовой системы в гнезда смертоносных снарядов.

Время от времени корабль подбрасывало на месте, сверху доносилось гудение разряжавшихся пушечных накопителей – всё это время продолжались преследование и дуэль.

Одновременно в рубке Таблетти вместе со своим помощником, юным компьютерным гением Мишкой Червнем, загружали в память бортовых вычислителей программы, необходимые для запуска и управления «коллапсарками».

Как только последний разъем был воткнут в гнездо, тут же началась проверка системы, а пираты почти мгновенно очистили шлюз.

Помогая себе крепкими словечками, они принялись вручную задривать вторые, внутренние ворота: механический привод, как это и бывает в реальном бою, отказал в самый неподходящий момент.

Главный компьютер «Звездного черепа» не без труда переварил столь сложный софт. Но переварил.

Правда, как оказалось, не до конца: когда прошел тестовый прогон и перезагрузка процессоров торпед, он сначала выключил свет в половине отсеков, а затем совершенно неожиданно вырубил управляющий блок вспомогательного реактора.

(К счастью, бортинженер успел переключить систему на свой ноутбук.)

Но дело было сделано: со свалившимся с души камнем капитан корсара увидел на мониторе контроля вооружения строчку коротких и длинных черточек всеобщего алфавита, означавшую – «Особый оружейный комплекс к применению готов. Ресурс – 14 выстрелов».

Оставалось нажать пусковую кнопку, и капитан это сделал.

Ворота шлюза распахнулись, и первая торпеда унеслась в пустоту.

Флинт с почти физической болью глядел на то, как улетают в космос стоящие десятки миллионов изделия. Но что поделать – собственная шкура дороже.

Вот первые три торпеды достигли расчетной точки, и ничего не произошло.

– В чем дело?! – прикрикнул он на электронщика.

– Что-то не срабатывает, сигнал плохо проходит, – забормотал Таблетти, словно пианист, барабана по клавишам и высоко вскидывая руки. – Ой, совсем пропал! Мама миа!

Лангетти высокомерно фыркнул, отворачиваясь, всем своим видом говоря: «Ну что еще ждать от жалкого макаронника?!»

Всем было известно, что Лангетти терпеть не мог Таблетти, а тот отвечал ему взаимностью.

Неприязнь, которую питали друг к другу инженер-двигатelist и инженер-электронщик, не была связана с личными отношениями.

Всё дело в той вековой, если не тысячелетней вражде, которую питали друг к другу жители двух недалеко друг от друга отстоящих планет – Макарони и Макарены.

Сказать, кто из них сильнее не любил другого, было трудно.

Но большая часть, и Флинт в их числе, склонялась к тому, что Лангетти.

Он даже распустил слух, что подлинное имя Таблетти – не Панталеоне, что в переводе с какого-то древнего языка означает «во всем подобный льву», а Панталоне, что значит – «штаны».

Вот еще три торпеды достигают нужной дистанции. И вновь ничего!

– Финита, капитан... – ошарашенно пробормотал Таблетти, недоуменно созерцая пляшущие цифры на экранах.

У многих на лице отразилось невольное облегчение. Ведь прежде им, почти никому, не приходилось убивать себе подобных.

– Повторный запуск! – скомандовал Флинт, стараясь сохранять внешнее хладнокровие.

Увы, точно такая же судьба постигла и седьмую торпеду. Девятая взорвалась на полдороге. Двигатель десятой остановился всего в ста километрах от «Черепка». Десятую удалось инициировать, но не удалось активировать. Одиннадцатая...

Таблетки бледнел всё сильнее, тем более что уже после восьмой неудачи кулак капитана Флинта оказался в опасной близости от его носа. Но это не помогло.

Оставались еще две. Нет, теперь уже только одна. И она, кажется, должна была взорваться неподалеку от преследователя.

...Затаив дыхание, смотрели находившиеся в центральном посту «Пассата» на несущуюся к ним смерть.

Всего лишь точка на радаре. Точка, способная уничтожить целый астероид немаленького размера.

«Вот и всё», – синхронно возникла мысль у всех космополицейских.

Секунды – и точка приблизилась, вот уже «Пассат» в зоне ее поражения...

– Активизируй боеголовку, мать твою через копыто! – скомандовал Флинт, грозно нависая над бледным инженером. – Давай не грохнем, так пугнем!

Еще сильнее побледнев (теперь уже буквально позеленев), Таблетки надавил клавишу.

...Вокруг боеголовки вспыхнуло розовое сияние, и точка на радаре странно размазалась.

– Всё, друзья, – произнес Михайлов. – Проща... – Секунды текли, а ничего не происходило... Наконец, тихо мигнув, сияние пропало...

– Сдохла! – прошептал кто-то за спиной капитана. – Сдохла, братцы!!

Через секунду стены рубки буквально прогнулись от радостного рева.

«Звездный череп»

...Флинт метался по капитанским апартаментам, как свежепойманный арумский тигр по силовой клетке.

Чертов Хушински! Чертовы торпеды! Чертов ментяра! Мусор космический! Чтоб ему и всему его Космополу сдохнуть! Чтоб им всем...и..., и..., и десять тысяч...в...и всем..., и всей Ойкумене!!!

Две наложницы, обряженные в прозрачные туники, испуганно забились в угол шикарной тахты и только время от времени тихонько попискивали от страха.

Хваленые нуль-торпеды на поверку оказались полным дерьмом. Впрочем, этого следовало ожидать. Когда были вскрыты сопроводительные файлы, кроме всего прочего, выяснилось нечто, что заинтересовало бы и Космопол, и контрразведку Икарии, и, конечно, неведомых заказчиков груза. Не так давно одна из фирм Хушински заключила весьма выгодный договор с корпорацией «Икария-армко» на утилизацию мусора и некондиционных комплектующих. На самом же деле бракованные запчасти слегка доводились до ума в подпольных мастерских, после чего их доставляли в нейтральный мир Торн, где собирали из них готовые к употреблению образцы или продавали в нищие миры, где аборигены с их помощью латали старую технику. Если учесть то, какие суровые санкции ждали нарушителей Всегалактической конвенции о правилах торговли коллапс-оружием, это могло бы стать замечательным средством шантажа. Но в данный момент это не могло ничем помочь – на хвосте по-прежнему висел сторожевик. Полицейские продолжали преследование, время от времени отвечая на суматошную стрельбу «Череп» редкими, но чувствительными залпами своей гравипушки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.